

Центр независимых социологических исследований

ПОНИМАНИЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ В РОССИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

Доклад

по результатам социологического исследования

Санкт-Петербург

Октябрь 2020

Доклад подготовлен на основе материалов эмпирического исследования, проведенного сотрудниками ЦНСИ в январе-июне 2020 года.

Участники проекта: Любовь Ежова, Дмитрий Дубровский, Ирина Олимпиаева.

Редактор доклада: Ирина Олимпиаева

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
I. ПОНИМАНИЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ	
1.1. Академическая свобода как базовая ценность научной деятельности.....	7
1.2. Проявления «НЕСвободы»: оценка академической свободы через ее ограничения.....	8
<i>Внутренние ограничения научного поля</i>	
<i>Организационные ограничения: сотрудники vs администрация</i>	
<i>Институциональные ограничения: ученые vs государство</i>	
<i>Контекстуальные ограничения: влияние политики и идеологии</i>	
1.3. Особенности восприятия академической свободы.....	18
<i>Типы восприятия академической свободы</i>	
<i>Свобода от вмешательства государства</i>	
<i>Актуализация понятия академической свободы в академическом дискурсе</i>	
<i>Политизация понятия академической свободы</i>	
<i>Ограничения академической свободы как «необходимое зло»</i>	
<i>Свобода высказываться в публичном пространстве</i>	
II. СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА АКАДЕМИЧЕСКИХ СВОБОД	
2.1. Оценка состояния академических свобод в России.....	22
<i>Особенности ситуации в социальных науках</i>	
<i>Проблема обратной связи</i>	
<i>Международное сотрудничество</i>	
2.2. Оценка государственной научной политики.....	28
2.3. Изменение состояния академических свобод	30
III. НАУКА И ГОСУДАРСТВО: ТРЕНДЫ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ	
3.1. «Огосударствление науки» как основной тренд.....	33
3.2. Углубление дифференциации	35
3.3. Изменение формата отношений научного сообщества с государством.....	36
3.4. Доминирование неформального.....	38
ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БУДУЩЕМ.....	39

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Список респондентов... ..	41
Приложение 2. Аналитическая справка «Академические свободы в международном контексте»	42
Приложение 3. Академические свободы в российском правовом контексте.....	44
Приложение 4. Цитаты из интервью	
4.1. Понимание академической свободы.....	45
4.2. Внутренние ограничения научного поля.....	49
4.3. Организационные ограничения.....	49
4.4. Институциональные ограничения.....	51
4.5. Контекстуальные ограничения	52
4.6. Оценка состояния академических свобод в России.....	54
4.7. Особенности ситуации в социальных науках.....:	55
4.8. Проблема обратной связи.....	55
4.9. Международное сотрудничество.....	59
4.10. Оценка государственной научной политики.....	62
4.11. Изменение состояния академических свобод.....	64

Введение

В настоящее время в России не проводится какой-либо систематический анализ состояния академических свобод. Исследования проводимых государством реформ в сфере науки и образования не рассматривают их последствия для академических прав и свобод. Хотя в СМИ и социальных медиа появляется все больше информации о возрастании политического и идеологического прессинга на ученых и преподавателей, но обобщающая картина состояния академических свобод в России и ее динамике за последние десятилетия отсутствует.

Между тем глубокие институциональные изменения науки и образования, происходящие в последние десятилетия, а также общее усиление государственного контроля приводят к сужению пространства академических свобод, что требует исследования и широкого обсуждения.

Как изменились отношения науки и государства за последние 10/20 лет? Что сами ученые вкладывают в понятие «академическая свобода»? В чем проявляются ограничения академических свобод и каковы их последствия для российской науки и образования? На эти вопросы попыталось ответить исследование, проведенное в январе-июне 2020 года Центром независимых социологических исследований.

Предмет исследования – *восприятие и оценка* состояния академических свобод представителями российского академического научного сообщества.

Метод исследования – проблемно-ориентированные интервью. Мы провели в общей сложности 24 интервью с учеными, преподавателями и экспертами.

Наших респондентов можно условно разделить на пять групп:

- ✓ представители научных организаций и ученые, которые оказались объектами давления со стороны государства (9 интервью);
- ✓ представители научных организаций/университетов, получающих финансирование в основном из государственного бюджета (5 интервью);
- ✓ представители негосударственных научных организаций/университетов (2 интервью);
- ✓ эксперты российского и международного научного сообщества в области науки и образования (3 интервью);
- ✓ представители общественных организаций, профессиональных сообществ, общественные деятели (5 интервью)¹.

Продолжительность интервью составила от 40 минут до полутора часов.

В выборке представлены не только ученые и преподаватели, напрямую пострадавшие от нарушения их прав и свобод, но и представители администраций государственных и негосударственных научных и образовательных организаций,

¹ Список респондентов представлен в Приложении 1.

общественные деятели и эксперты в области науки и образования. Наши респонденты представляют как центральные, так и региональные университеты. При этом выборка оказалась ограничена учеными, работающими в социальной и гуманитарной сфере (что имеет свое объяснение), а также преимущественно университетами, и в меньшей степени исследовательскими организациями. Гендерный баланс оказался смещен в сторону мужчин.

Качественная методология не предполагает обобщающих оценок и количественных измерений. Наша задача состояла в описании спектра имеющихся представлений об академической свободе, выделении типов ее восприятия, а также мнения наших респондентов о состоянии академической свободы в России на сегодняшний день и ее динамике в последние десятилетия.

Ситуация с COVID-19 вынудила проводить большинство интервью в режиме онлайн, что не повлияло, однако, на высокую степень заинтересованности наших респондентов и их готовность к обсуждению темы, за что мы им глубоко признательны.

I. Понимание академической свободы

1.1. Академическая свобода как ценность научной деятельности

Академическая свобода понимается как возможность ученого заниматься тем, что интересно и так, как это представляется правильным. При некоторых различиях в формулировках, практически все наши собеседники сходятся в том, что академическая свобода предполагает:

- ✓ самостоятельность в выборе темы исследования,
- ✓ возможность свободного обсуждения и публикации результатов,
- ✓ определение тем и форматов преподавания, исходя из собственных представлений о том, что важно и полезно для студентов.

Академическая свобода предстает той ключевой ценностью, ради которой люди, собственно, и идут в науку и преподавание. Привлекательность научной деятельности состоит в первую очередь в возможности реализовать свой интерес, в отличие, например, от бизнеса, где главная цель – получение прибыли.

Академическая свобода – это:

- ❖ *исследовать то, что я хочу и как я хочу, чтобы мне никто не мешал; публиковать те тексты, которые я считаю... не размышляя над тем, как это будет воспринято; свободы без границ государственных, по крайней мере (№ 1, П, М, директор института)²;*
- ❖ *право ученого, исследователя... самостоятельно планировать любую свою деятельность, связанную с наукой, с исследованиями и с преподаванием. ...Ты полностью самостоятельно это всё планируешь и занимаешься тем, чем хочешь, и тебе за это ничего не будет (№ 2, П, М, преподаватель);*
- ❖ *возможность осуществлять исследования, преподавать свои курсы, осуществлять научное руководство так, как это предполагается интересами науки и образования, а не интересами властей, интересами руководства университета, местных властей, федеральных властей (№ 3, П, М, преподаватель);*
- ❖ *свобода выбора тем для обсуждения со студентами, обсуждения в публичном пространстве тем для проведения исследований, постановки исследовательских вопросов (№ 5, П, Ж, преподаватель);*

² В скобках после развернутых цитат указывается номер интервью; группа респондентов: «Потерпевшие» (П), государственные организации (ГО), негосударственные организации (НО), общественные деятели и активисты (ОА) и эксперты (Э); пол и профессиональный статус респондентов. Короткие цитирования в рамках предложения сопровождаются указанием лишь номера интервью. Более полную информацию о респонденте можно получить в Приложении 1 «Список респондентов».

- ❖ *в рамках научного поля и научных стандартов это свобода выбора темы и возможность в ней работать, получать результаты, обсуждать их с коллегами (№ 22, НО, М, ректор университета)³.*

Академическая свобода, понимаемая как возможность свободно выбирать тему и открыто высказывать свое мнение, воспринимается как некая привилегия научной деятельности, то, что *«должно отличать сотрудника академического типа от всяких офисных сотрудников, где, наверное, без разрешения администрации, в общем, ничего не делается» (№12).*

1.2. Проявления академической «НЕСвободы»: восприятие свободы через ее ограничения

Академическая свобода в ее ценностном понимании воспринимается как естественный атрибут научной деятельности, необходимое условие ее эффективности. О ней не задумываются, пока не возникает прецедент ее ограничения. Видимо, поэтому академическая свобода чаще определяется в интервью через ее нарушения. Респонденты в основном говорят не о том, в чем проявляется свобода, но о проявлениях НЕСвободы.

Анализ приводимых в интервью примеров нарушения академической свободы позволяет реконструировать ее образ в восприятии наших собеседников, а также понять, какие аспекты академической свободы представляются им сегодня наиболее уязвимыми.

• Внутренние ограничения научного поля

Внутренние ограничения накладываются самим научным сообществом. Они связаны с необходимостью следовать определенным методологическим правилам и процедурам, а также соблюдать *«этическую гигиену» (№23)* в исследованиях и преподавании⁴.

Поскольку методологические правила присутствуют в любых исследованиях, в строгом смысле абсолютной свободы в науке просто не существует:

«Академическая свобода — это, конечно, не свобода делать всё, что угодно, потому что в науке есть очень много жестких ограничений, прежде всего связанных со стандартами получения знаний, с процедурами и методами. И здесь никакой свободы нету вообще. Её строго ноль» (№ 22, НО, М, ректор университета).

³ Развернутые цитаты из интервью, отражающие понимание академической свободы представлены в Приложении 4, раздел 4.1. Понимание академической свободы.

⁴ Цитаты, отражающие внутренние ограничения научного поля, приведены в Приложении 4.2.

(Само)ограничение академической свободы в рамках научного поля видится как внутренняя моральная и этическая ответственность ученых за полученный результат и в этом смысле имеет позитивную окраску. Т.е. свобода как безответственное желание исследовать что хочется и как хочется ограничивается некоторой обязанностью *«считаться с принятыми критериями анализа для того, чтобы его точка зрения, так сказать, принималась уважительно и принималась всерьез»* (№ 11).

В рамках научного поля суть академической свободы состоит в обеспечении *«конкуренции научных идей»*, столкновение которых и должно рождать научную истину (№ 22). Ограничение конкуренции идей в разных проявлениях есть нарушения академической свободы. В этом смысле существующие научные школы, направления и т.п. также выступают внутренними ограничителями академической свободы:

❖ *академическая свобода прежде всего связана с возможностью ученого заниматься тем научным направлением, которым он заниматься желает, независимо от того дискурса, или научной школы, к которой он принадлежит, и независимо от того, к эпатажным или консервативным выводам он придет.* (№ 13, ГО, М, директор академического института);

Академическая свобода, ограниченная рамками научного поля, упоминалась в ряде интервью, однако такое понимание свободы явно не доминирует в нарративах. Несравнимо чаще академическая свобода понимается как свобода от вмешательства в академическую деятельность извне, когда научная деятельность оказывается под давлением внешних интересов и целей, не имеющих отношения к науке.

• **Организационные ограничения: сотрудники vs администрация**

К числу внешних ограничений в первую очередь относятся организационные, накладываемые администрацией научных организаций. Восприятие академической свободы формируется по оси противостояния научных и управленческих интересов. В идеале, и это мнение разделяют все респонденты, интересы организации не должны приводить к ограничению свободы выбора тем исследований, методов и форм преподавания и т.д.⁵

Академическая свобода в научных организациях напрямую ассоциируется с самоуправлением. Университет *«изначально по своему определению всегда был такой автономной самостоятельной организацией самоуправляемой, так сказать, академическими работниками»* (№ 24), ключевым отличием которого была возможность преподавателей и студентов влиять на университетскую жизнь. Именно поэтому, по мнению некоторых респондентов, базовые решения в научных организациях должны приниматься *«коллективом профессоров с участием других»*

⁵ Развернутые цитаты из интервью относительно организационных ограничений приведены в Приложении 4.3.

заинтересованных сторон, включая, конечно, студентов, включая представителей администрации, но база университета – это коллектив профессоров. Вот тех, кто, в общем, университет делает» (№ 16).

Понимание академической свободы как университетского самоуправления особенно характерно для групп «Представителей государственных научных организаций» и «Экспертов», которые обращают внимание на глубокие исторические корни университетской автономии.

Академическая свобода внутри университета напрямую ассоциируется с «либеральной атмосферой», «университетской демократией», «духом университета», «базовым принципом» университетской жизни. Возможность работать в такой атмосфере воспринимается как ценность научной деятельности наряду со свободой выбора тематики исследования.

Когда происходит разрушение системы самоуправления, а с нею и либеральной атмосферы, возникает ощущение нарушения академической свободы:

- ❖ *я обдумывал эту ситуацию и понимал, что она совершенно неприемлемая для университета как раз в плане академических свобод, практик самоуправления, вообще права преподавателей и сотрудников принимать участие в решениях, касающихся их самих, касающихся жизни факультета университета (№ 3, П, М, преподаватель).*

Упомянутые в интервью примеры нарушения академической свободы в университетах и научных организациях укладываются в три категории: снижение роли ученых советов, ликвидация выборов, правовая незащищенность научных сотрудников и преподавателей.

Роль ученых советов

Научные/ученые советы предстают в нарративах выразителями интересов академического сообщества в диалоге с менеджментом.

Традиционно ученые советы занимают ключевое место в системе самоуправления научных организаций. Некоторые наши собеседники считают, что выборным академическим органам должны быть делегированы широкие полномочия, включая «*принятие решений о найме, об увольнении, о присуждении зарплат, о том, как вести научную политику, какие исследования делать и так далее*» (№ 9). Ликвидация самоуправления «*приводит к свертыванию академической свободы*» (№ 19). Снижение роли научных советов в управлении напрямую ассоциируется со снижением возможности научных коллективов влиять на принимаемые решения.

Респонденты часто приводят в качестве примеров нарушения академической свободы случаи внутренней реорганизации университетов, слияния кафедр и факультетов, которые предпринимаются без учета мнения профессорско-преподавательского состава. В результате разрушаются эффективные научные направления, сложившиеся коллективы, происходит вынужденная смена тем исследования и преподавания.

Выборность руководителей

Университетское самоуправление основано на процедуре выборов. Возможность выбирать ректоров, деканов, заведующих кафедр воспринимается как неотъемлемое право сотрудников влиять на организацию университетской жизни.

Именно поэтому происходящая в последнее время реорганизация университетов, когда *«ликвидируются факультеты, вместо них создаются институты»*, выборные должности заменяются на назначаемые, *«ликвидируются кафедры, заведующие которыми также должны выбираться, создаются там департаменты, программы и так далее, где опять-таки про выборность руководителей ничего не говорится, то есть выстраивается, выращивается сверху вертикаль власти, доходящая до самого низа»* (№ 19), воспринимается как покушение на университетскую демократию и академическую свободу.

Наиболее частым примером снижения самоуправления становится отмена выборов ректоров или превращение этих выборов в имитацию, в результате чего происходит *«смена такого либерально нормального руководства с учетом мнений всего ученого совета»* и *«возникает ситуация такого тоталитарного руководства. Всё держится в одних руках»* (№ 13). Наши собеседники однозначно интерпретируют эти процессы как разрушающие традиционную университетскую демократию, сосредотачивающие всю власть в руках ректора, который *«получает очень серьезные, так сказать, бонусы с точки зрения властных полномочий»* (№ 24).

Особенно болезненны ситуации, когда новый ректор не назначается из профессорско-преподавательского состава, а приходит со стороны, часто из сферы, не имеющей отношения к науке или образованию. Такие ректоры-«варяги» часто устанавливают бизнес приоритеты в ущерб научным целям развития организации. Еще печальнее, когда ректорами назначаются люди с *«сомнительной репутацией в академическом мире [...] со списанными диссертациями или диссертациями купленными и сделанными на заказ. И эта тенденция, она набирает обороты»* (№ 21).

Правовая защищенность сотрудников

На уровне индивидуальных взаимодействий с администрацией нарушение академических свобод ассоциируется с правовой незащищенностью научных сотрудников и преподавателей.

Почти во всех интервью так или иначе возникает тема *«эффективного» трудового контракта*, который заключается на 2-3 года, а чаще на 1 год. Краткосрочные контракты, ставшие сегодня нормой трудовых отношений в академии, расцениваются как ущемление академических свобод, поскольку *«у человека, так сказать, должно быть четкое ощущение вот неких гарантированных его прав. Должна быть устойчивость положения, что, скажем, обеспечивалась бы такой системой постоянных контрактов»* (№ 15).

Неопределенность требований и отсутствие долгосрочных гарантий делает преподавателя зависимым от администрации, которая может *«уволить любого по формальным критериям»* (№ 5) без объяснений, о чем в интервью приводились многочисленные примеры. *«То есть вполне стандартно для сотрудника ещё 15 декабря не знать, работает ли он по-прежнему с 1 января или нет»* (№ 14).

- **Институциональные ограничения: ученые vs государство**

Институциональные ограничения академической свободы определяются государственной политикой в сфере науки и образования.

Продолжающееся реформирование научной и образовательной сферы, внедрение новых стандартов и критериев оценки научной и преподавательской деятельности воспринимается как (разрушительное) вмешательство государства в науку.

Больше всего претензий у наших респондентов вызывает *«зашкаливающая»* бюрократизация и *«бессмысленная»* наукометрия, которые возникли в результате реформ науки и образования⁶.

Бюрократизация

Рост бюрократизации ограничивает свободу заниматься тем, что интересно и что представляется важным. И не только потому, что из-за огромной бумажной нагрузки у преподавателей *«просто времени на само преподавание, на улучшение своих курсов, на изучение современной литературы, его всё меньше и меньше»* (№ 3), но и в силу осознания бессмысленности бюрократического бумаготворчества, что *«сильно подрывает уважение к самому себе. Зачем я тут вообще нахожусь и это делаю? Это ставит человека в такую, я бы сказал, очень плохую ситуацию. И это бьет по свободе, потому что человек перестает уважать то, чем он занимается»* (№ 16).

Бюрократизация еще более ослабляет самоуправление в научных организациях. В результате возрастания потока бумаг происходит *«разрастание уровней бюрократии, создаются новые иерархии»* (№ 3), так что научным сотрудникам становится еще труднее достучаться до верхнего эшелона власти.

Бюрократизация создает возможность для репрессий, делая научных сотрудников и преподавателей еще более бесправными перед лицом администрации. Наши респонденты далеки от конспирологических предположений, что бюрократизация насаждается специально для этих целей, но тем не менее признают, что *использовать её как репрессивное средство, конечно, очень удобно* (№ 23).

Бюрократизация вызывает сильное эмоциональное раздражение у респондентов всех групп без исключения: *«это ящики и ящики бумаг, отчетов по каждому стандарту и по каждой ерунде»* (№ 23); *«совершенно безумное количество бумаг,*

⁶ Цитаты, отражающие институциональные ограничения, приведены в Приложении 4.4.

которые необходимо заполнять» (№ 18); «мелочное регламентирование работы преподавателя» (№ 8); «тексты вопиюще бессмысленные, которые должны попадать в какие-то их таблицы, придуманные где-то, не знаю, где» (№ 16) и т.п.

«Скопусовская болезнь»

Введение библиометрических критериев оценки научной деятельности вызывает не меньший протест у наших респондентов. «Скопусовская болезнь», когда руководство университета стало буквально оказывать колоссальное давление на преподавателей с требованием публиковаться в журналах, индексируемых базой данных Скопус (№ 3), видится как бессмысленная погоня за публикациями в ущерб их качеству.

Жесткое стимулирование публикационной активности не оставляет ученому возможности самому определять, как распоряжаться результатами своих исследований:

- ❖ *попытка централизованная формального подсчета публикаций ученых — это, в принципе, ограничение академических свобод ученого, потому что оно четко диктует, сколько ему нужно написать. Оно его подталкивает к определенным темам и журналам. То есть вот эта вот зона свободы выбора, на каком языке мне писать, где публиковаться, она становится уже менее свободной, и, в принципе, такое широкое толкование академических свобод, мне кажется, здесь можно это рассматривать как пример такого ограничения свобод ученых (№ 17, Э, Ж, директор исследовательского центра).*

Система библиометрической оценки, спускаемая «сверху», воспринимается как вмешательство государства во внутренние дела научных организаций и еще одно ограничение университетского самоуправления. Например, низкий балл, присваиваемый монографиям и академическим сборникам в новой системе оценки, сильно ударил по литературоведам и историкам, где публикация монографии традиционно считается наиболее важным научным достижением. Некоторым институтам удалось отстоять свою систему внутренней оценки, но таких единицы.

Общим является мнение, что значение, которое в новой системе придается публикационной активности, неоправданно гипертрофировано и вредно для науки. Это приводит к «перекосам» комплексной системы оценки, когда «целый ряд аспектов, не менее важных в деятельности университета, они отходят на второй план» (№ 15). Другое следствие – «деградация научных текстов» и процветание «мусорных журналов» (№ 18) как результат «погоны за публикациями».

• **Контекстуальные ограничения: влияние политики и идеологии**

Ограничения контекста подразумевают прежде всего политическое и идеологическое давление на науку. Академическая свобода в этом смысле

определяется как возможность «*проводить в любом формате научную деятельность без оглядки на политическую ситуацию, а только с оглядкой на науку*» (№ 7), независимость ученых и преподавателей от политического запроса, идеологии, цензуры⁷.

Среди ограничений контекста, которые упоминались в интервью, есть как *прямые* – в форме преследований за политическую и гражданскую активность, так и *косвенные* – через установление гласных и негласных ограничений на преподавание определенных курсов и исследование определенных тем. Контекстуальные ограничения академической свободы ощущаются также как усиление контроля со стороны силовых структур и органов внутренней безопасности.

Политические преследования

Примеры преследований за политические взгляды и общественную активность, которые упоминались в интервью, включают как организации, так и индивидуальных ученых и преподавателей:

- присвоение исследовательской организации статуса «иностранного агента», что сказывается на ограничении институциональных возможностей сотрудничать с государственными организациями, получении информации для исследований, усилении контроля за деятельностью организации;
- увольнение преподавателей и научных сотрудников, активно включенных в политическую или общественную деятельность, не одобряемую политическим режимом, — иногда поводом служит критическое выступление в иностранных СМИ;
- административное давление на преподавателей – предупреждения и угрозы, собеседования с руководством и представителями «первых отделов», дисциплинарные взыскания и материальные наказания.

Почти все респонденты из группы «потерпевших» в нашем исследовании были уволены именно по причине их общественной либо политической активности или за критические выступления в СМИ и соцсетях.

Характерно, что прямых запретов на (оппозиционную) политическую или общественную активность как таковых не существует. Формально преподавателей наказывают не за политические взгляды, но за нарушения внутреннего распорядка или несоответствие требованиям аттестации.

Очевиден принцип избирательного правоприменения, когда за широко распространенные нарушения наказывают лишь некоторых преподавателей, а при аттестации негодным сотрудникам предъявляются несоизмеримо более жесткие требования. Этому в значительной степени способствует возрастающая бюрократизация, которая «*создает постоянный эффект возможности обоснованных юридически претензий к любому из преподавателей практически*».

⁷ Развернутые цитаты о контекстуальных ограничениях приведены в Приложении 4.5.

То есть это скорее история про то, что все существующие регламенты выполнить, ну, скажем так, я не уверен, можно ли их выполнить вообще» (№ 14).

Для оказания давления на критически настроенных преподавателей государственные силовые структуры действуют не напрямую, но через администрацию научных организаций. Руководителям проще уволить/наказать проблемного преподавателя, чем вступить в конфликт с властью.

Политические преследования ученых не всеми нашими респондентами воспринимается однозначно как нарушение академических свобод. Некоторые из них считают, что политические преследования не имеют отношения к академической деятельности, поскольку *«академическая свобода — это всё-таки не просто свобода слова. Когда ученые выступают в качестве публицистов и комментаторов, это к сфере свободы слова относится, а не к академической свободе» (№ 22).*

Другие респонденты, в основном представители групп «потерпевших» и общественные активисты, воспринимают политические преследования, такие как *«увольнение с работы и исключение из студентов и магистрантов за высказывание политической позиции», именно как «жесткие нарушения академических свобод» (№ 20).*

Идеологические ограничения

Идеологические ограничения касаются выбора тем исследования и курсов для преподавания и в этом смысле напрямую влияют на академическую свободу.

Как и политическое давление, идеологические ограничения латентны и имеют *«очень странные формы» (№ 5).* Цензуры как таковой не существует, но есть *«понимание, что можно, а чего нельзя», «с какими темами можно, а с какими нельзя и вообще, надо ли связываться, себе дороже» (№ 24),* на какие конференции можно ездить, а на какие лучше не ездить, кого из известных исследователей можно приглашать на семинар, а кого лучше не стоит:

- ❖ *Причем запретов прямых нет. Это образуется в голове, что, какие могут быть иначе последствия. Но даже на тематику исследования. Они говорят: «Вот это, конечно, интересно, но это не будем исследовать». Или говорят: «Вот это вот ни в коем случае. Вот эту тему... Или давайте так переформулируем, чтобы это не было понятно» (№ 1, П, М, директор).*

Некоторые дисциплины, например гендерные исследования, оказываются идеологически нежелательными. *«Очень сложно заниматься гендерными исследованиями в российских университетах, мало где есть такие программы» (№ 6).* Университеты не включают эти темы в свои программы, эти темы *«полностью цензурятся»,* а там, где они уже есть, при случае закрывают, *«не объясняя, почему. Ну, просто шло под видом оптимизации учебных программ» (№ 8).*

Критика власти также не запрещена, но есть подразумеваемые запреты, негласная цензура, которая *«довольно сильная, но она просто не всегда прямая, и не всегда её легко так выявить, просто посмотрев, сколько было запретов»* (№ 6).

Идеологическое давление может принимать агрессивные формы вплоть до уголовного преследования ученых, если речь идет об особо чувствительных/болезненных темах, таких как, например, исследования истории Великой Отечественной войны и сталинских репрессий. Но даже в этом случае идеологические ограничения не артикулируются открыто, а для наказания находятся иные формальные поводы:

- ❖ *Историки, которые занимаются XX веком, самыми болезненными вещами и войной, потому что война – это не только победа, как мы знаем, и репрессиями. Вот по ним и был нанесен удар. Мы видим, что сейчас у нас Мемориал – иностранные агенты, там люди, Юрий Дмитриев в тюрьме* (№ 16, ОА, М, профессор университета).

Идеологическое регулирование тематики исследований происходит и в более мягкой форме, через механизмы государственного финансирования. Некоторые наши собеседники признают, что система грантов не бывает идеологически нейтральной в принципе, и любые фонды *«так или иначе, имеют свою идеологическую ориентацию»* (№ 22). В этом смысле российские фонды не являются исключением. Другие респонденты считают, что российские государственные фонды особенно требуют *«идеологически правильный»* результат (№ 1).

Самоцензура

На выбор и формулировки тем исследования, распространение результатов в большей степени влияет не столько цензура, сколько самоцензура. О самоцензуре говорят, когда исследователи или преподаватели сами ограничивают тематику своих исследований и публикаций или отказываются от обсуждения острых политических проблем со студентами, от руководства дипломными работами по острым политическим проблемам (например, о протестах, № 3) или публиковать результаты исследований из опасения негативных последствий.

Отсутствие четких правил игры в отношениях с государством в сочетании с усилением контроля за университетами, в том числе со стороны силовых структур, создает атмосферу страха и неопределенности, питательную среду для процветания самоцензуры.

Важно, что самоограничения практикуются не только на индивидуальном уровне, но и на уровне руководства организаций. Неопределенность запретов и нечеткость правил игры в отношениях научных организаций с контролирующими институциями приводит к тому, что администрации университетов предпочитают лучше перестраховаться и запретить все по максимуму, чем оказаться нарушителями негласных запретов. Таким образом, самоцензура транслируется сверху, формируя систему *«неписанных правил»* внутри университетов:

- ❖ В Вышке в какой-то момент, как мне сказали, такое неписанное новое правило, что в тексте работы можно, а вот в экстракте и в названии желательно не причислять Россию к авторитарным государствам (№ 7, П, Ж, выпускница университета).

При том что феномен самоцензуры оценивается однозначно негативно всеми респондентами, некоторые наши собеседники считают, что часто самоограничения не имеют достаточно объективных оснований и скорее говорят не о давлении государства, а об излишней осторожности самих ученых.

Контроль со стороны силовых структур и органов безопасности

Усиление контроля со стороны силовых структур, органов безопасности, активизация «первых отделов» приводит к тому, что начинает «создаваться такая атмосфера подозрительности» в отношении международных контактов ученых (№ 15), которая разрушает либеральную атмосферу научных организаций.

Самым ярким примером атаки на международные контакты, который неоднократно приводился в интервью, стали рекомендации Министерства науки и образования по контактам с иностранцами, выпущенные в августе 2019 года⁸. И хотя впоследствии эти рекомендации были отменены, сам факт появления такого рода документа говорит о настроениях в вышестоящих управленческих структурах.

На университетском самоуправлении сказывается и общее усиление авторитарного характера политического режима. Выхолащивание процедуры выборов в органы государственной власти зеркально отражается в имитации внутриуниверситетских выборов, что разрушает принципы самоуправления и либеральную атмосферу университетов. Приводимые в интервью примеры вопиющих нарушений процедур выборов ректоров, возникновения практик доносов, слежка за активностью сотрудников и студентов в социальных сетях (№ 8, № 6) становятся возможны только в контексте общей политической деградации демократических институтов в стране в целом.

1.3. Особенности восприятия академической свободы

⁸ Согласно этому приказу, российские научные организации должны за пять дней уведомить Минобрнауки о планируемой встрече с зарубежными коллегами, предоставив список участников. На встрече с иностранцем должны присутствовать как минимум двое российских ученых. Контакты с зарубежными коллегами в нерабочее время возможны только с разрешения руководства. После встречи необходимо составить отчет с кратким описанием разговора, приложив к нему сканы паспортов участников. При посещении научных организаций иностранцы могут использовать записывающие и копирующие устройства «только в случаях, предусмотренных международными договорами РФ» (<https://meduza.io/news/2019/08/14/minobrnauki-uzhestochilo-pravila-kontaktov-rossijskih-uchenyh-s-inostrannymi-ih-zastavyat-poluchat-razresheniya-na-vstrechi-i-pisat-otchety>).

- **Типы восприятия академической свободы**

Все наши собеседники имеют схожее понимание академической свободы как ключевой ценности научной деятельности, суть которой – в возможности исследовать то, что интересно, обсуждать и публиковать результаты исследований, преподавать то, что кажется важным, и так, как представляется правильным.

Различия, однако, проявляются в представлениях о том, что ограничивает реализацию этой возможности на практике. В зависимости от того, какие ситуации приводились в качестве примеров ограничения академической свободы и какие ограничения видятся основными, можно говорить о трех типах или моделях понимания свободы в представлениях наших респондентов.

- 1) «Академическое» понимание – акцентирует индивидуальную автономию ученого в процессе осуществления научного исследования. Главными ограничителями видятся «внутренние» регуляторы поля науки – требования соблюдения научного метода, этика проведения исследований (и преподавания), ограничения конкуренции научных идей.

Организационные, институциональные ограничения расцениваются как неизбежные издержки внешней среды, которые могут снижать эффективность научной деятельности, но которые не стоит рассматривать из перспективы академической свободы.

Политические и идеологические преследования относят к нарушениям политических прав и свобод, свободы слова и т.п., а не академической свободы. Ученые как объекты репрессий в этом смысле не отличаются от других граждан, публично выражающих свою политическую или гражданскую позицию

- 2) «Институциональное» понимание - акцентирует специфику университетов и научных организаций как особое пространство свободы.

Академическая свобода ассоциируется с самоуправлением, либеральной атмосферой и автономией университетов/научных организаций. Основной угрозой видится вмешательство в науку «корпоративных интересов» и неэффективного государственного регулирования. При этом институциональные (регулирование государства) и организационные (администрация) ограничения практически не разводятся.

Преследования ученых и преподавателей за политические взгляды и общественную активность считаются неприемлемыми, но скорее относятся к нарушению свободы слова, чем к ограничению академических свобод. Выражая свое мнение в публичном пространстве, ученый не должен выступать от имени своей организации.

- 3) «Контекстуальное» понимание опирается на представление об особой критической миссии науки, и в особенности социальных наук, в обществе.

Данный подход акцентирует политические и идеологические ограничения, считая политические преследования за оппозиционные высказывания и общественную активность прямым нарушением академических свобод. Такое понимание АС относится в первую очередь к представителям социальных наук. Подразумевается, что социальный ученый высказывает в публичном пространстве не просто свою личную точку зрения, но экспертное мнение, основанное на результатах исследований. Считается, что продукт научных изысканий должен стать достоянием общества, а не узкого круга специалистов. Поэтому ограничение возможности публичного высказывания своих представлений и экспертных знаний относительно государства, общества, политического режима и т.п. — это есть прямое ограничение академической свободы.

Организационные и институциональные ограничения видятся во многом результатом политического и идеологического давления государства.

- **Свобода от вмешательства государства**

В силу качественного характера нашего исследования мы не можем судить о том, какой тип доминирует в Российском научном сообществе, но можем говорить лишь о наших респондентах. Судя по тому, какие аспекты АС присутствуют во всех интервью и воспринимаются наиболее болезненно, академическая свобода преимущественно ассоциируется со свободой от вмешательства государства в деятельность научных организаций.

Из-за высокой зависимости университетов от государства организационный менеджмент воспринимается не как автономный орган управления, но как продолжение государственного управления. Поэтому покушение на самоуправление научных коллективов трактуется как прямое вмешательство государства. Это характерно в первую очередь для работников университетов, где произошла реорганизация и смена управленческой команды.

- **Актуализация понятия академической свободы в академическом дискурсе**

Говоря о ситуации в науке и образовании, о своих научных организациях, наши собеседники, как правило, не прибегали к категории академической свободы самостоятельно, если интервьюером не задавался прямой вопрос. Многочисленные примеры интервенций государства и менеджмента в научную деятельность приводились скорее с точки зрения их влияния на эффективность работы, а не как нарушения академической свободы. Термин «академическая свобода» выглядит чужеродным в нарративах об организационных и институциональных изменениях, нет ощущения что ученые и преподаватели мыслят в этой «системе координат».

Возможно, низкая актуализация понятия связана с тем, что академическая свобода, являясь ключевой ценностью научной деятельности, воспринимается как ее естественное условие, не требующее специальной рефлексии и осмысления («в

целом, когда у тебя какой-то рутинный образовательный процесс, ты особо не оцениваешь для себя свободу, несвободу...» (№ 6). Видимо, поэтому прямая просьба дать определение академической свободы у многих вызывала затруднение («не могу сказать сразу», «хоть намекните», «не задумывался», «не знаю»).

Другое возможное объяснение состоит в том, что понятие академической свободы не закреплено в российском правовом поле, что имеет свои исторические предпосылки⁹.

- **Политизация понятия академической свободы**

Термин «академическая свобода» активно использовался респондентами лишь тогда, когда речь заходила о политическом и идеологическом давлении. В нарративах о контекстуальных ограничениях понятие «академическая свобода» становится центральным. Политические преследования и идеологические запреты напрямую ассоциируются со словом «свобода».

Возрастание политического и идеологического давления со стороны авторитарного режима усиливает политизацию понятия «академическая свобода». Защищаясь от контекстуальных ограничений, академическое сообщество неизбежно вовлекается в поле политического противостояния с государством/политической системой. Это касается в первую очередь ученых и преподавателей, работающих в социальных и гуманитарных науках, причем не только политически и общественно активных.

- **Ограничения академической свободы как «необходимое зло»**

В целом наши респонденты воспринимают академическую свободу как некую идеальную модель и считают, что идеальной свободы невозможно достичь в реальности. Ограничения воспринимаются как «необходимое зло», которое существует всегда и с которым приходится мириться, поскольку наука не существует в вакууме. Существование «разумных» ограничений воспринимается как норма и не вызывает протеста. Это касается всех типов ограничений, включая «внутренние» в первую очередь, но также организационные, институциональные, политические и идеологические.

Протест вызывают ситуации, когда ограничения выходят за пределы «разумного», «нормального» и начинают серьезно влиять на качество научной и преподавательской деятельности. Тогда они начинают восприниматься как вмешательство в науку.

Переход от «разумных» ограничений к «зашкаливающим» явно уже произошел на уровне организационных и институциональных изменений. Реформирование сферы науки и образования и выстраивание властной вертикали перешагнуло за

⁹ См. аналитическую справку «Академические свободы в правовом контексте» (Приложение 2).

рамки привычных организационных и институциональных ограничений в представлениях наших респондентов. Нововведения воспринимаются как разрушительное вмешательство государства в научную деятельность.

Что касается политического и идеологического давления, то здесь ситуация неоднозначная. Политические преследования хотя и осуждаются всеми, но воспринимаются как нарушение АС лишь общественно активными представителями научного сообщества. Они же бьют тревогу по поводу усиления идеологического давления и усиления контроля со стороны силовых структур. Другие рассматривают не прямое политическое и идеологическое давление как новые правила игры в отношениях с государством в рамках «необходимого зла», которое не влияет серьезно на научную деятельность.

• **Свобода высказываться в публичном пространстве**

Пожалуй, наиболее неоднозначный аспект академической свободы – это возможность высказывать свое мнение в публичном пространстве, вне университета:

- ❖ может ли ученый указывать свою аффилиацию, высказывая мнение в публичном пространстве;
- ❖ следует ли относить свободу высказывания ученых в прессе или публичных выступлениях к академической свободе или это свобода слова?

По первому вопросу наши респонденты склоняются к тому, что, в публичном пространстве ученый не должен высказываться от имени своей научной организации, но лишь от себя лично. Объясняется это тем, что не все представители научной организации могут быть согласны с этим мнением.

Вопрос – ограничена ли академическая свобода пределами университетов – не столь однозначен. Часть наших респондентов являются сторонниками «классической» модели, которая исходит из того, что основная свобода преподавателей и студентов – это свобода преподавания и исследований внутри университета. Основная задача университетского сообщества – защита именно этой свободы от внешних посягательств. Выступления в публичном пространстве в эти рамки не попадают.

Другие склоняются к «активистской модели», которая акцентирует социальную миссию академии и считает публичную активность преподавателей и студентов неразрывной частью академической свободы и академических прав.

II. Состояние и динамика академических свобод

2.1. Оценка состояния академических свобод в России

Общая оценка академической свободы в России крайне низкая. За исключением одного респондента, который оценил ее состояние как *«вполне высокое»*, никто из наших собеседников не поставил более 6 баллов по 10-балльной шкале, типичная оценка – 3-4 балла¹⁰.

Разумеется, эти цифры нельзя воспринимать как строгий индикатор уровня академической свободы, они скорее говорят о масштабе сложностей, с которыми сталкиваются наши респонденты в своей работе. Однако при всех различиях критериев, по которым наши собеседники оценивали ситуацию, общая низкая оценка сигнализирует о явной проблеме в этой области.

Как правило, оценка нынешнего положения дается в сравнении с прошлым, т.е. оценивается динамика и тренды имеющихся ограничений (о которых будет сказано в следующих разделах).

Оценивая состояние академической свободы, наши собеседники в первую очередь имеют в виду вмешательство государства в науку в разных его проявлениях и на разных уровнях.

- **Особенности ситуации в социальных науках**

Все наши респонденты так или иначе признают, что социальные и гуманитарные науки гораздо сильнее подвержены ограничениям академической свободы по сравнению с техническими и естественными науками. Это связано как с историей развития этих наук в России, так и со спецификой их взаимодействия с государством¹¹.

У естественных и технических наук проще получается *«работать на государственную повестку»* по сравнению с социальными науками. Так, если взять поставленную задачу добиться высоких показателей публикационной активности, то социальным наукам гораздо сложнее *«добиться видимости в международном пространстве»* (№ 17). Поскольку социальные науки в России развиваются по догоняющей модели, им необходимо совершить серьезный качественный скачок для того, чтобы стать видимыми в международном поле, в отличие от естественных и технических наук, успехи которых уже давно получили международное признание.

¹⁰ Развернутые цитаты о состоянии и динамике академических свобод приведены в Приложениях 4.6 – 4.9.

¹¹ Цитаты относительно особенностей социальных наук приведены в Приложении 4.7.

Социальные ученые и гуманитарии оказываются под большим давлением в плане публикационных требований еще и потому, что новая система оценки научной работы не учитывает специфику гуманитарных дисциплин, сложившиеся критерии оценки публикационной активности в этой сфере (о чем говорилось ранее в этом докладе).

Из-за развернувшейся гонки за публикациями социальные и гуманитарные науки оказались сильнее подвержены «скопусовской болезни» по сравнению с другими дисциплинами со всеми вытекающими последствиями в виде засилья «мусорных публикаций» и высокого уровня самоцитирования.

Другая особенность социальных и гуманитарных наук связана с их критической функцией и высокой идеологической нагрузкой. Проблема в том, что социальные и гуманитарные науки не всегда производят результат, который бы соответствовал идеологическим ожиданиям государства. В результате возрастающего государственного контроля они оказываются в большей степени подвержены цензуре и самоцензуре. Хотя некоторые респонденты в нашем исследовании склонны «не преувеличивать» уровень цензуры и самоцензуры в социальных науках (№ 22), в целом тот факт, что идеологические ограничения «в первую очередь испытывают на себе социальные науки» (№ 24), не оспаривается. «Гуманитарных и социальных ученых боятся больше [...] они как-то ближе к таким мягким точкам власти, к болевым точкам власти» (№ 23).

Специфика социальных наук состоит также и в том, что продукт научных изысканий должен стать достоянием широкой общественности, а не только узкого круга специалистов. Согласно концепции «публичной социологии» Майкла Бурового, основной потребитель научного продукта социальных наук – общество. Неудивительно поэтому, что социальные ученые чаще других выступают в публичном пространстве за пределами университетов. Поскольку эти выступления, как правило, носят критический характер, то именно социальные ученые чаще становятся объектами политических репрессий и идеологических преследований.

• Проблема обратной связи

Красной нитью в нарративах проходит ощущение бессилия изменить или хотя бы повлиять на ситуацию как в научных организациях, так и на институциональном уровне.

У преподавателей и научных сотрудников «ни инструментов нету, ни ресурсов, ничего... профессорско-преподавательский состав просто низведен до уровня каких-то молчаливых исполнителей воли администрации вуза» (№ 8).

Даже при наличии очевидных нарушений законов и правил сотрудники научных организаций не могут оспорить принятые руководством решения. «Сыграть с руководством университета можно в лучшем случае вничью» (№ 1). Мы видим это на приводимых в интервью примерах имитации выборов ректоров, проходящих с вопиющими нарушениями всех возможных демократических процедур, в проведении структурных реорганизаций без согласия научных коллективов, в

ситуациях несправедливой аттестации неугодных преподавателей и их увольнении. Безнаказанность руководства создает атмосферу, когда сотрудникам *«есть причина оглядываться и подумать десять раз, а надо ли высказываться или высказывать что-то, что пойдёт вразрез с теми мнениями, которые высказывает администрация вуза»* (№ 15).

Правовая и политическая среда, в которой существуют институты и университеты, не способствует защите свободы внутри организаций. Обращение за защитой во внешние правоохранительные органы, такие как прокуратура, трудовая инспекция и т.п., как правило, не дает результата, а иногда даже ухудшает ситуацию, если жалобы или обращения неожиданным образом становятся известны самому объекту претензии (№ 13).

Особенно уязвимыми оказываются сотрудники региональных университетов, где в случае увольнения альтернативы трудоустройства на региональном рынке практически не существует. Тем более, что у уволенных преподавателей уже *«подмочена репутация»* (№ 4).

На уровне институциональных взаимодействий шансы повлиять на государственную политику и решения управляющих институций также невелики. Наши респонденты говорят о плохо работающих каналах обратной связи и слабой заинтересованности государственных институций услышать ученых.

Общественные органы, представляющие интересы научного сообщества, как, например, Совет по науке при президенте, должны формироваться самим научным сообществом, но *«мы знаем, что они назначаются совсем не с этих позиций»* (№ 21). Совет при Министерстве науки и образования *«сформирован, по сути дела, из образовательных бюрократов»* (№ 19). В целом *«нет каких-то институтов, которые отражали бы мнение университетских преподавателей»* (№ 15).

Это не означает что механизмов обратной связи не существует совсем: *«высказываться можно, пожалуйста, пишите жалобы в виртуальную приемную»*, однако при этом нет *«механизмов артикулирования каких-то представлений или иных взглядов на то, как должно быть, в общем ... рычаги воздействия общественного мнения на государственную политику практически подавлены»* (№ 24).

При этом некоторые наши респонденты считают, что механизмов обратной связи существует как раз очень много – это *«всякого рода общественные советы, в которые многие из наших коллег входят, и при президенте, и при министерстве, и где только нет»*, но *«это помогает только высказаться, только высказать какую-то претензию»* (№ 23). Проблема в отсутствии желания со стороны государства этими механизмами воспользоваться. Особенно это касается общественных и гуманитарных наук, которые представляют нелицеприятную для государства информацию. До тех пор пока *«наше руководство хочет слушать только то, что хочет, какие бы мы механизмы там не вводили, оно не будет слушать»* (№ 11).

Публичные каналы взаимодействия с государством в виде петиций, писем, обращений в различные органы вплоть до президента работают плохо. Одна из причин видится в том, что *«количество людей, готовых такие вещи подписывать, оно не так уж велико»* (№ 7) и становится еще меньше. Видя неэффективность подобных акций, люди просто перестают в них участвовать, потому что *«не считают их эффективными»* и *«не видят, что это может оказать какое-то воздействие»* (№ 18).

Отношение к более радикальным акциям в форме открытых протестов очень разное. Среди наших респондентов есть представители общественных организаций, которые рассматривают самоорганизацию научного сообщества, преподавателей, студентов, аспирантов как единственно возможный в нынешних условиях способ донести точку зрения научного сообщества до государства. Противоположное мнение состоит в том, что *«любые попытки какого-то более решительного вмешательства могут привести только к ухудшению ситуации»* (№ 23).

Однако механизмы протеста сегодня также не работают. Пока *«мобилизационная способность независимых организаций, увы, невелика [...] пока существует россыпь как бы одиночек, которые стонут, ругаются, а иногда включаются в реализацию того, что идет сверху, в общем, каких-то эффективных воздействий ждать не приходится»* (№ 15).

В качестве одного из немногих примеров, когда голос научного сообщества был услышан, наши респонденты приводят отмену пресловутого приказа о правилах взаимодействия с иностранцами в университетах.

Другой пример эффективной общественной инициативы, который вызывает однозначное одобрение, – это Диссернет. Проект имеет реальное воздействие – *«оно давит на ВАК, на высшую аттестационную комиссию, заставляя или предлагая лишать степеней, проверять на добросовестность авторов [...] появление этого общественного движения повлияло на государство тем, что государственные вузы и советы стали более жесткие требования предъявлять к диссертациям»* (№ 22).

Хотя существующие каналы обратной связи работают плохо, использовать их все же надо, по мнению одних, поскольку *«капля камень точит»* (№ 23). Есть, например, некоторые признаки того, что многочисленные петиции и публичные заявления с критикой оценки публикационной результативности (КБПР) дадут результат и что *«[методика] всё-таки изменится, будут поправки сделаны»* (№ 17). Другие респонденты окончательно разочаровались в петициях и письмах и подписывают их лишь те из них, которые просто нельзя не подписать по моральным причинам (№ 18).

- **Международное сотрудничество**

Говоря о международном сотрудничестве, наши собеседники упоминают следующие его виды: приглашения иностранных ученых в Россию, совместные

проекты (институциональное сотрудничество), поездки на международные конференции, использование международных источников финансирования.

Практически все респонденты говорят о том, что на международное сотрудничество сегодня влияет общий внутривнутриполитический фон, усиление государственного контроля и изменение положения России в международном пространстве, связанное с *«известными событиями, санкциями и взаимным отчуждением»* (№ 22).

В целом возможности и ограничения международного сотрудничества сильно различаются в ведущих (центральных) и региональных научных организациях, в государственных и негосударственных научных организациях. Для разных научных дисциплин ограничения международного сотрудничества также могут иметь свою специфику.

Сотрудничество продолжает благополучно развиваться на уровне международного партнерства крупных государственных фондов. Ведущие государственные институты и университеты, которые хорошо интегрированы в российскую грантовую систему, не ощущают особых ограничений (по крайней мере, по мнению представителей руководства этих организаций): *«прекрасно мы сотрудничаем, все замечательно»* (№ 18); *«научная жизнь, так сказать, абсолютно нормально течет. [...] тут никаких проблем нет»* (№ 13).

В то же время на уровне индивидуальных взаимодействий и сотрудничества научных групп ощущается влияние общей политической и международной обстановки и, в частности, санкций. Представители государственных научных организаций сетуют на отсутствие крупных международных проектов, которые были бы связаны *«с сильным финансированием»* (№ 13). Политическая изоляция становится препятствием институциональной интеграции со странами Европейского союза, которая *«вряд ли сейчас возможна после 2014 года»* (№ 18).

На уровне индивидуального сотрудничества приводились примеры, когда приглашенные европейские исследователи внезапно отказывались приехать в Россию после введения санкций. В этом смысле международные контакты *«осуществляются в очень таком ужатом виде»* (№ 24).

Отмечается также влияние поворота «вектора» исследований на Восток вслед за российской внешней политикой: *«вектор поворота на Восток, он, конечно, тоже изменил в этом плане нашу деятельность»* (№ 24). Если сотрудничество с Китаем активно стимулируется государством, но *«как-то другие контакты у нас завяли»* (№ 24).

На развитие сотрудничества на уровне организаций и индивидуальном уровне влияют не столько прямые запреты, сколько *«такая атмосфера подозрительности в ряде случаев такого рода контактов»* (№ 15). Усиления государственного контроля приводит к нелепым ситуациям, когда *«всех иностранцев должны рассматривать как носителей некоего потенциального зла и зловредных замыслов. Если принять эту точку зрения, то тогда ведь и никакое международное сотрудничество невозможно»* (№ 15).

Квинтэссенцией можно считать пресловутые рекомендации Минобрнауки, о которых уже говорилось ранее, в результате чего, *«грубо говоря, попить кофе в кофейне с коллегой из Германии теперь преподаватель Казанского Университета может только с разрешения ректора»* (№ 3).

Хотя в результате протеста научного сообщества рекомендации были отменены, реакция на них довольно показательна в смысле различий между разными вузами. Если ведущие научные институты посчитали рекомендации продуктом *«плохо соображающих бюрократов», «ну прислали и прислали, плевали все на это»* (№ 18), то в региональных организациях рекомендации министерства были восприняты как руководство к усилению контроля за иностранными контактами, а в некоторых вузах их успели конвертировать во внутренние регламенты, имеющие форму приказа.

Развитию научных контактов мешает противоречивость политики государства. С одной стороны, есть призыв к интенсификации международного сотрудничества, без которого невозможно вывести российскую науку в мировые лидеры. С другой стороны, государственные структуры создают все больше формальных препятствий для этого. *«Ведь если человек приезжает по визе научного сотрудничества, он не имеет права преподавать. Если человек приезжает по визе, дающей ему право преподавать, он не имеет права заниматься научной работой»* (№ 23).

От визовых неурядиц сильнее страдают научные дисциплины, опирающиеся на полевые исследования. Так, антропологи не могут включать иностранцев в региональные полевые исследования, поскольку получение разрешений – это *«отдельная большая головная боль»* (№ 23).

Научные организации сильно различаются и с точки зрения использования иностранного финансирования. Серьезный водораздел проходит по оси государственные – негосударственные организации. Для негосударственных организаций использование финансирования из иностранных источников создает угрозу получения статуса «иностранного агента». Это вынуждает частные вузы отказываться от поддержки международных фондов и переключаться на российские источники. *«Но из этих источников международную коллаборацию финансировать трудно, поэтому, наверное, в какой-то части она снизилась»* (№ 22). Поскольку именно частные вузы *«как менее стабильные образования»* нуждаются в иностранной финансовой поддержке, им фактически *«перекрыли кислород»* (№ 17).

Частные научные организации, которые уже получили статус иностранного агента, напротив, усиливают международное сотрудничество, поскольку оно остается единственным источником финансирования при наличии стигмы «иностранного агента». Они отмечают *«значительно больше интереса», «значительно больше возможностей»* и укрепление доверия как к партнерам со стороны иностранных фондов (№ 1).

Поскольку прямых запретов на иностранное финансирование нет, то отказ от него относится скорее к разряду самоцензуры – частные вузы добровольно и

упреждающе отказываются от иностранного финансирования, чтобы не создавать лишний повод для вмешательства контролирующих органов.

При этом у государственных вузов *«осталась возможность международных образовательных программ, исследовательских тоже, исследований совместных»* (№ 17), международное финансирование они *«получают и вполне успешно прекрасно они занимаются коллаборативным сотрудничеством»* (№ 22).

Возможность поездок на конференции также варьирует в зависимости от типа научной организации. Ведущие институты, включенные в российские грантовые программы, в целом не испытывают проблем: *«Все больше и больше людей российских на конференциях благодаря улучшению [государственного] финансирования»* (№ 18). Другие сетуют, что *«Ну, конечно, ездить-то продолжают, так сказать, люди все хорошие всегда были, просто вопросы в том, что институционально это всё, конечно, достаточно сильно сузилось»* (№ 24).

В целом *«люди стали больше ездить на Запад»* (№ 18) еще и за счет нового поколения ученых, которые лучше владеют английским языком и находят финансирование поездок на конференции в западных фондах. Те, у кого есть возможность, ездят на конференции за свой счет, *«чтобы не писать вот этого отчета, что я там делал, что я видел и так далее и тому подобное»* (№ 13). В то же время отсутствие на рабочем месте без оформления командировки может стать поводом для увольнения, чему есть не единичные примеры в первой группе наших респондентов.

2.2. Оценка государственной научной политики

В интервью высказывалось много претензий к эффективности государственной политики в сфере науки и образования. Низкий профессионализм работы управленческих институтов видится причиной избыточного вмешательства государства в научную и образовательную деятельность¹².

Основные претензии связаны с отсутствием долгосрочных ориентиров, *«реальной стратегии, ну, опять-таки некоторого разумного целеполагания [...] есть какие-то довольно случайные скачки то в одну, то в другую сторону...»* (№ 18). Реформа науки и высшего образования, включая реорганизацию университетов, смену ректорского корпуса, введение новых критериев оценки и т.п., не видится каким-то хорошо подготовленным планом, но скорее это *«в духе действительно спецопераций реформа. Ночью там что-то обсудили, а утром что-то объявили»* (№ 12).

¹² Цитаты о научной политике представлены в Приложении 4.10.

Несогласованность и непоследовательность предпринимаемых действий – еще одна важная претензия к государственной политике: *«одна рука не знает, что делает другая, и работают они в прямо противоположных направлениях»* (№ 23).

Особенность российской государственной политики – это избыточный контроль, стремление *«придумать правила для всех институций и для всех дисциплин и спустить их как-то сверху вниз, не учитывая разницы между университетами, между научными дисциплинами»* (№ 17).

Хотя практически все наши респонденты признают усиление государственного контроля и возникновение новых ограничений в результате реформирования науки и образования, они по-разному трактуют их причины.

Одни считают, что государство на самом деле изначально имеет свою логику и в целом благие намерения и что *«по крайней мере, часть этих реформ была продиктована и желанием как-то изменить ситуацию в лучшую сторону»* (№ 18). Государственные органы просто не справляются с этой задачей по причине некомпетентности управленческих структур. Для этой точки зрения характерны, например, такие суждения:

- Замена ректоров, которая вызывает сильное возмущение в научных организациях, имеет определенную логику. Профессура традиционно считается *«консервативной группой»* (№ 17), которая противостоит любым изменениям. В ситуации, когда нужно организовать «рынок» в развитии науки и образования, назначение «варяга» и хорошего управленца вместо засидевшегося в ректорах представителя старой профессуры – это вполне оправданная стратегия.
- Государство просто *«неумное и принимает неумные решения»* (№ 17). Невыполнимые требования наукометрии происходят от *«непонимания»* чиновниками того, как работают в науке цитирование, публикации и т.п. Но при этом не стоит усматривать в этом *«специальную стратегию»* разрушения сложившихся правил. Аналогично *«бюрократизация, я не думаю, что она была задумана как некоторое средство репрессивное, она просто сама собой выросла, но использовать её как репрессивное средство, конечно, очень удобно»* (№ 23).
- Политика избавления от неэффективных вузов, реализуемая в последние годы государством, дает сбой из-за критически низкого уровня компетентности самих сотрудников Рособнадзора, *«по всем параметрам эксперты Рособнадзора это люди, которые хуже, чем средний преподаватель вуза»* (№ 17). В представлениях экспертов Рособнадзора «неэффективный вуз» ассоциируется с образом частного вуза. В результате под удар могут попасть и фактически попадают эффективные частные вузы.
- Принятие закона об иностранных агентах объясняется вполне логичным *«антиидеологическим запросом сделать так, чтобы проекты, которые, скажем, несут большую критику для власти, критику по отношению к власти, к существующему порядку, перестали бы финансироваться из-за»*

рубежа». И если бы Россия сама начала финансировать подобные проекты в других странах, то реакция этих стран была бы аналогичной (№ 22).

Противоположная позиция состоит в том, что государство намеренно ограничивает академическую свободу, встраивая науку и образование в политическую «вертикаль», лишая автономии научные организации. Это касается в первую очередь социальных и гуманитарных наук, которые могут создавать угрозу политическому режиму:

- Замена ректоров имеет целью не столько повысить эффективность университетов, сколько усилить их зависимость от государства. *«Университеты должны производить лояльных власти специалистов, которые влияют на общественное мнение»,* включая социальных исследователей, журналистов.
- Реорганизации внутри университетов нацелены в первую очередь на гуманитарные и социальные факультеты и кафедры. Эти подразделения сильнее подвержены «оптимизации», слияниям, разделением, объединяются с другими факультетами, целенаправленно лишаются автономии и самоуправления (№ 3).
- Политика Рособнадзора по закрытию неэффективных вузов направлена в основном на уничтожение «рассадников инакомыслия», производящих оппозиционеров и критиков политического режима.

Несмотря на различия в оценках причин усиления государственного контроля, практически все наши собеседники (за единичным исключением) сходятся в том, что реформы не улучшили, а напротив, ухудшили ситуацию, и пока *«ничего, в общем, хорошего из этого не вышло. По крайней мере, для тех гуманитарных наук, за которыми я наблюдаю»* (№ 18).

2.3. Изменение состояния академических свобод

В ходе интервью респондентам предлагалось сравнить уровень свободы в академии и ее динамику начиная с 1990-х годов (в том числе, используя условную шкалу от 1 до 10 баллов). Хотя ответы варьируют в зависимости от возраста респондента, в целом в оценках доминирует нисходящая динамика (от полной свободы 9-10 баллов и даже *«на 20 баллов»* (№ 24) в 1990-х до 3-4 баллов на сегодняшний день, когда *«все свои взгляды могу изложить с помощью статей уголовного кодекса»* (№ 11)¹³.

По мнению респондентов старшего возраста, самым свободным временем были 1990-е годы (8-10 баллов по десятибалльной шкале), когда Россия *«в смысле свободы слова вообще и академической свободы в частности была одной из самых свободных стран мира»* (№ 11).

¹³ Развернутые цитаты об изменении состояния академических свобод представлены в Приложении 4.11.

Эти годы характеризуются как *«турбулентное, сумасшедшее, прекрасное и ужасное одновременно время»* (№ 10), когда можно было исследовать, писать *«что угодно»* *«и ничего за это не было, и никто ничего не боялся»* при *«очень сложной базе поддержки инфраструктурной и материальной»*; *«ничего не знали, но могли делать что угодно»* (№ 1). В этот период существовал *«обмен мнениями»*, который прекратился с 2002 года (№ 11).

В университетах процветало самоуправление: ректоров, деканов выбирали прямыми выборами, в студенческих группах выбирались старосты. Не было раздутого административного аппарата, расслоения зарплат, регламентации работы с международными вузами. Преподаватели сами разрабатывали и наполняли курсы по собственным представлениям и в зависимости от запроса студентов (№ 3, № 8).

При этом абсолютная свобода имела и свои минусы. За ней *«ничего не стояло»* (№ 24). Полное отсутствие *«сдерживающих факторов»* (№ 21), будь то ограничения академической среды или *«социальная цензура»*, приводило к тому, что *«коллеги несли совершенную несусветицу»* (№ 11).

Аналогично свобода преподавания в смысле отсутствия какого-либо контроля качества создавала *«абсолютно неквалифицированным преподавателям»* возможность работать в вузах, приводила к *«безразличию»* по отношению к студентам (№ 14).

Молодые респонденты, которые еще не работали в 1990-е годы, называют как самые свободные другие периоды. Так, для одного из собеседников в 2014-2015 годах *«было ощущение, что делать можно всё»* (дискуссионные клубы, обсуждения) (№ 6). (Здесь, правда, нужно иметь в виду, что речь идет о Высшей школе экономики, которая вплоть до недавнего времени пользовалась особыми привилегиями в плане академической свободы.)

В качестве переломных моментов движения академической свободы от 1990-х годов до нынешнего времени упоминаются 2000, 2010, 2012, 2014-2015 и 2019 годы.

2000 год связывается с окончанием периода неограниченной свободы 1990-х и началом реформирования науки и высшего образования. Одновременно для академических свобод время начиная с 2000-х трактуется как зеркальное отражение *«сужения любых свобод в этой стране»* (№ 2). С начала 2000-х годов, особенно к 2010 году, начала выстраиваться вертикаль власти, постепенно *«исчезли механизмы артикулирования мнений, настроений»* (№ 24).

2010 год называют переломным в связи с принятием *«Концепции информационной безопасности»* (№ 1). Становится заметно влияние силовых органов. В это же время в университетах начинает разворачиваться бюрократизация, меняются практики преподавания, управления (№ 3). Происходит сужение академических свобод *«к счастью, не так быстро, ... как хотели бы некоторые люди в государстве, но, к сожалению, быстрее, чем хотели бы люди в академии»* (№ 16).

После 2012 года реформы вступают в активную фазу. Для Академии наук это роспуск РАН в 2013 году, для университетов – реорганизации, замена ректорского корпуса, изменения Уставов. С реформой связывается введение новых критериев оценки эффективности работы университетов, научных учреждений, преподавателей и ученых и, соответственно, рост бюрократизации. Возникает давление по публикациям в Web of Science и Scopus, обусловленное в том числе рейтингом университетов и академических институтов; введение индивидуальных критериев оценки эффективности работы.

Перелом 2012 года связывают также с путинскими выборами после «вегетарианского» медведевского периода. «После выборов Путинских 2012 года и вот этих всех болотных дел и так далее начали просто душить, зажимать» (№ 2). По мнению других, с 2012 года зримого ухудшения для науки нет, но это «история про потерянное время, потерянные возможности» (№ 14).

Следующий переломный момент – события 2014 года «Крымом накрыло, до этого ограничений не было» (№ 2). Усиление политического напряжения, введение санкций, ограничение международных контактов сказывается на научной деятельности. Начиная с 2015 года отмечают новое усиление контроля со стороны силовых структур.

Молодые респонденты называют переломным 2019 год, маркерами которого стали закрытие шоу «В точку» (приглашение Любови Соболь), закрытие студенческого журнала «Докса» (№ 6).

С принятием новых конституционных поправок ожидается новый виток ограничений, когда «вообще станет жестко» (№ 11).

III. Наука и государство: тренды последних десятилетий

Интервью содержат много информации о серьезных изменениях в науке и образовании и о том, как меняются отношения этих институтов с государством. Наши собеседники в основном отмечают негативные тренды, хотя есть упоминания и позитивных изменений.

3.1. «Огосударствление» науки как основной тренд

Основной тренд последних десятилетий — это «огосударствление» науки и образования на фоне «вертикализации власти» (№ 24). О сокращении автономии научных организаций и усиливающемся вмешательстве государства в науку и образование говорилось во всех интервью. Наши респонденты, за единичными исключениями, оценивают эти изменения негативно.

В чем проявляется «огосударствление науки» и каковы его последствия?

Отмена выборности ректоров либо имитация выборов, назначение ректоров «сверху»

Ликвидация принципа выборности приводит к тому, что новое руководство не несет ответственности перед научным коллективом, но стремится соответствовать ожиданиям верхних эшелонов управления, которыми они назначены. Таким образом, новая когорта ректоров напрямую встраивается в государственную управленческую вертикаль.

С одной стороны, по мнению экспертов, замена прежних ректоров на эффективных менеджеров стратегически оправдана на этапе коренного реформирования системы науки и образования, когда необходим «прорыв» в развитии науки. Реформирование неизменно сопряжено с разрушением старых правил и систем. Ректоры, которые сами являются членами научного коллектива, представители профессуры едва ли смогут проводить необходимые решения, которые неизбежно разрушают сложившиеся порядки и часто противоречат интересам старой профессуры.

С другой стороны, в реальности замена прежних ректоров на менеджеров, судя по нарративам нашего исследования, оказывается крайне неэффективна и разрушительна прежде всего для либеральной атмосферы университетов и научных организаций.

Существенное ослабление самоуправления внутри научных организаций, университетов как продолжение выстраивания управленческой «вертикали»

Происходит снижение роли ученых советов, научных сотрудников и преподавателей в принятии стратегических вопросов развития научных институтов. Внесение изменений в уставы многих университетов, начавшееся в

2015 году, коснулось и статуса научных подразделений, сделав их руководителей не избираемыми, а назначаемыми.

Вопрос о том, кто в университете главный – профессор или студент – сегодня решается просто. *«Сегодня, в общем, споры закончились, потому что главный в университете — это менеджер»* (№ 24).

Усиление государственного контроля за научными организациями и университетами

Результатом усиления контроля становится «зашкаливающая бюрократизация», когда организации вынуждены заполнять невероятное количество бессмысленных бумаг. Для преподавателей – это постоянные изменения курсов. На бюрократические отчеты уходят огромные силы и время, в результате снижается эффективность научной и преподавательской работы.

Введение наукометрических критериев продуктивности научной работы – другой инструмент прямого регулирования, который для социальных и гуманитарных наук оборачивается *«скопсовской болезнью»*.

Усиления контроля науки со стороны государства имеет логическое объяснение, поскольку *«государство, предоставляя ресурсы, в обмен хотело бы видеть результаты непосредственно очень быстро достигаемые»* (№ 17). Хотя тренд на усиление контроля науки и образования характерен для большинства европейских стран (в этом смысле, *«мы идем в трендах со всеми»* (там же), особенность российской ситуации, однако, состоит в том, что государство не просто обозначает научным организациям некие ориентиры, но вмешивается напрямую во внутреннюю политику университетов, выстраивая управленческую вертикаль, насаживая процедуры и механизмы достижения желаемых показателей.

Усиление идеологического контроля государства в социальных и гуманитарных науках

Помимо формального бюрократического контроля управленческих институтов усиливается неформальное идеологическое давление, контроль со стороны органов безопасности и правоприменительных структур. Из-за нечетко артикулированной идеологической политики государства часто неясно, чем именно продиктованы репрессивные действия контролирующих органов по отношению к тем или иным научным организациям – идеологическими или бюрократическими причинами. Объектами контроля становятся в первую очередь социальные и гуманитарные науки.

Изменение баланса государственного и иностранного финансирования

Уход (*«изгнание»*) иностранных фондов из России после 2010 года и общий антизападный идеологический фон привели к существенному сокращению

финансирования социальных наук из иностранных источников, что стало проблемой для многих негосударственных организаций.

Сокращение иностранного финансирования в основном оценивается нашими респондентами негативно, поскольку государственные фонды не могут полностью заменить и восполнить финансирование, которое предоставляли иностранные фонды. Не менее важно, что иностранные фонды *«способствовали развитию конкуренции»* (№ 18), имели обучающий эффект, знакомя российских ученых с международными стандартами, способствовали интеграции российской науки в международную научную среду, создавали *«возможность приобщения к некому опыту международному»* (№ 15).

В то же время некоторые респонденты усматривают в изменении баланса финансирования позитив. *«Идеологический»* и *«антиидеологический запрос на социальные науки»* привел к тому, что государство *«обратило на них внимание»* (№ 22). Появилась научная политика, улучшилось государственное финансирование, произошла *«национализация финансирования социальных наук»*, [и это хорошо]. В качестве одного из проявлений позитивных изменений называется проект 5-100, и усиление роли РФФИ в финансировании российских исследований (№ 22).

Отношение к государственным деньгам среди наших респондентов также неоднозначно. Если одни приветствуют увеличение государственной поддержки социальных наук, то другие считают, что государственные деньги *«токсичны»*, поскольку их получение делает ученого ангажированным *«государственным агентом»* (№ 1), а вопрос о том, кем финансируются исследования не должен ставиться вообще.

3.2. Углубление дифференциации

Государственная политика в сфере науки и образования привела к углублению существующих различий между университетами, в частности, пространственной/географической дифференциации университетов. Московские вузы имеют несоизмеримо больше институциональных возможностей по сравнению с рядовыми региональными научными организациями и вузами, включая петербургские, и это расхождение усиливается, а не сокращается.

Наши респонденты говорят также о возникновении отдельной категории университетов, *«имеющих особые отношения с властью»* (№ 1). Наиболее ярким представителем этой категории является Высшая школа экономики, которая фактически работает как экспертный центр при правительстве и администрации президента. До определенного момента эти университеты пользовались привилегиями в области академических свобод, включая свободу критики власти. Однако в последние годы и они начали испытывать серьезные ограничения.

Углубление дифференциации проявляется и в других аспектах деятельности научных организаций.

Международные контакты и международное сотрудничество

Как уже отмечалось, государственные и негосударственные университеты имеют разные возможности использовать международные контакты и, главное, разное желание эти контакты развивать. Региональные вузы более осторожны и чувствительно реагируют на негласные указания, исходящие «сверху» относительно международного сотрудничества, и на прочие негласные идеологические ограничения.

Иностранное финансирование

Негосударственные университеты перестали использовать иностранное финансирование из опасения быть стигматизированными как иностранные агенты, тогда как государственные вузы эти ограничения не испытывают.

Внимание контролирующих органов

Негосударственные университеты чаще подвергаются государственному контролю и проверкам. Они подозрительны и неблагонадежны по определению. Образ «неэффективного вуза» у Рособнадзора ассоциируется в первую очередь с негосударственным вузом (№ 17); в результате эффективные негосударственные вузы вынуждены предпринимать гораздо большие усилия, чтобы не привлекать внимания контролирующих структур.

Стигматизация негосударственных организаций

Научные организации, имеющие статус иностранного агента, также попадают в отдельную категорию. Университеты и институты не стремятся развивать сотрудничество с такими организациями. Это пока не касается госуниверситетов с «особым статусом», которые более свободны в выборе партнеров, а также к случаям многолетнего сотрудничества между «инагентами» и государственными вузами. Однако поиск новых партнеров и расширение сотрудничества для «иностранцев» становится затруднительным.

3.3. Изменение формата отношений научного сообщества с государством

Противостояние vs сотрудничество

Государство все больше воспринимается в научном сообществе не как союзник, но как оппонент, если не враг. «Государство страшное», оно «пугает» (№ 16), в нарративах нередки сравнения с советским прошлым и советскими практиками преследования инакомыслия и давления на науку.

Эти изменения особенно заметны в сравнении с 1990-ми и началом 2000-х, когда научные организации и университеты пользовались большой автономией, а государство практически не вмешивалось в их работу.

Противостояние науки и государства воспроизводится на уровне университетов и институтов в отношениях профессуры/научных сотрудников с администрацией. Эти отношения также все чаще приобретают форму противостояния, борьбы. Администрация университетов и организаций (особенно там, где произошла замена руководства) все больше становится проводником интересов государства и меньше учитывает интересы сотрудников.

Кризис доверия

Можно говорить о кризисе доверия к государственным институтам управления наукой и образованием. Недоверие обоюдно – власть в лице чиновников не доверяет ученым, устанавливая все больше формальных критериев контроля (*«Мы не доверяем тому, что вы делаете, вы нас, наверное, обманываете. А мы должны контролировать»* (№ 16)). Ученые, в свою очередь, не доверяют компетентности чиновников, действия которых движимы бюрократической логикой, а не интересами науки.

Доверие тем не менее продолжает существовать в научном сообществе на межличностном уровне, тем более что ученые по-прежнему знают *«кто что стоит по гамбургскому счету»*. В научных организациях с крепкими академическими традициями, высокими стандартами этики, и избежавшими замены прежних руководителей на «варягов», доверие внутри научных коллективов сохраняется и тщательно оберегается. Доверие внутри академического сообщества остается инструментом, помогающим противостоять бюрократическому давлению государства.

Сворачивание каналов обратной связи, уменьшение возможности влиять на государственную политику

Наши собеседники отмечают неуклонное сворачивание каналов обратной связи между научным сообществом и государством. С одной стороны, это объясняется плохой работой формальных институтов представительства интересов академического сообщества в государственных структурах. Советы и комиссии при органах власти имеют лишь совещательный характер. Принципы их формирования не отражают многообразие интересов и мнений научного сообщества.

С другой стороны, говорится о том, что государство само проявляет все меньше интереса к мнению научного сообщества. Государственная политика все чаще формируется в управленческих кругах верхних эшелонов власти без учета мнения ученых.

Прямые каналы связи в форме петиций, писем, протестов также становятся менее эффективны из-за того, что государство все чаще просто игнорирует подобные формы обратной связи.

3.4. Доминирование неформального

Постепенно возвращаются времена, когда неформальное вновь начинает доминировать над формальным. Усиление государственного контроля над научными организациями, установление невыполнимых бюрократических показателей приводит к все большей *«имитации деятельности»*, которую научные организации используют для отчетности.

Всё больше и больше ситуаций, когда мы говорим: «Нет, это формально, а на самом деле так. Нет, это у нас на самом деле, а формально так» — и вот это, как мне кажется, и есть главный результат последних десяти, может быть, двенадцати лет развития наших отношений с государственной властью (№ 23).

В ход пускаются практики и знания, наработанные за 70 лет советской власти, *«находят всякого рода выходы, лазейки, способы обхода дурацких правил»*. Но эти *«колоссальные человеческие и финансовые ресурсы»* которые тратятся на обход формальных правил, заслуживают лучшего применения (№ 23).

Доминирование неформального становится все более очевидно в идеологических отношениях государства и социальных наук. Поскольку идеологические запреты не артикулируются государством открыто, понимание правил происходит на неформальном уровне: *«все всё понимают»* (№ 24), *«лучше лишний раз не высываться»* (№ 23), *«могут уволить, могут посадить если попасть под раздачу»* (№ 17). Для наказания за политическую активность также используются формальные поводы, зачастую не имеющие отношения к реальным причинам увольнения.

Неопределенность и неформальность правил становятся питательной средой для самоцензуры. Некоторые респонденты говорят о том, что когда-то либеральная атмосфера университетов сменяется атмосферой страха, который тем больше, чем более неопределёнными и неформальными являются правила.

Заключение: ожидания и представления о будущем

Хотя вопрос об ожиданиях отсутствовал в гиде интервью, контекст разговора порой делал логичным продолжение беседы в русле ожиданий. Не все, но многие информанты рассуждали о будущем сами, без специального вопроса интервьюера.

Низкий горизонт планирования

Сложно говорить о будущем в условиях неопределенности государственной политики, отсутствия стратегических ориентиров и нестабильности общей политической обстановки. Отсутствие институциональных перспектив блокирует возможности разрабатывать стратегию развития организаций. Сегодня *«важно поддерживать то, что есть и реагировать на постоянно возникающие новые барьеры»* (№ 1).

Изменение политического режима маловероятно

Наиболее мрачные ожидания связаны с усилением давления политического режима. Социальные и гуманитарные науки сильнее чем другие зависят от политической среды. Продолжающееся укрепление авторитарного характера российского политического режима не оставляет надежд на позитивные изменения. Высказываются опасения, что *«то, что можно сейчас, завтра будет не допустимо»* (№ 14). Для *«социально-гуманитарного пространства»* идеологическое давление будет возрастать, *«будут пытаться как-то ограничить влияние западное», а «академическое сообщество будет потихонечку усыхать»* (№ 21).

Улучшение международных отношений

Надежды связываются с отменой санкций и нормализацией международных отношений, что тоже должно позитивно сказаться на отношениях науки и государства *«когда у нас отношения с Америкой улучшаются, по разным причинам для разных целей, происходит в стране либерализация»* (№ 16).

Образование и наука нужны государству

Менее пессимистичные прогнозы исходят из того, что *«даже при сохранении нынешнего политического режима»* могут быть предприняты какие-то рациональные меры по снижению бюрократической нагрузки на науку, *«а это уже облегчение»* (№ 16). Основная надежда на то, что образование и наука нужны любому государству, поэтому в отношениях науки и государства должен возобладать здравый смысл.

«...Возможно, придет и такой момент, когда возникнет некое осознание того, что такое вот сверхогосударствление ... будет мешать и тормозить» (№ 24).

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Список респондентов

№ интервью	Профессиональный статус
1 группа: «потерпевшие»	
№ 1	Руководитель исследовательского центра
№ 2	Преподаватель регионального университета
№ 3	Бывший преподаватель федерального университета
№ 4	Бывший преподаватель регионального университета
№ 5	Бывший преподаватель федерального университета
№ 6	Редактор журнала
№ 7	Выпускница ВШЭ
№ 8	Бывший преподаватель федерального университета
№ 9	Бывший преподаватель регионального университета.
2 группа: работники государственных научных организаций	
№ 11	Бывший декан университета
№ 24	Декан университета
№ 12	Директор института РАН
№ 13	Директор института РАН
№ 15	Декан, а также в прошлом проректор университета
Группа 3: эксперты	
№ 17	Директор исследовательского центра науки и образования
№ 14	Преподаватель федерального университета
№ 18	Директор одного из подразделений РАН
Группа 4: работники негосударственных организаций	
№ 22	Ректор негосударственного университета
№ 23	Руководитель подразделения негосударственного университета
Группа 5: общественные деятели, члены профессиональных ассоциаций	
№ 19	Руководитель профсоюза
№ 20	Общественный деятель, один из основателей Диссернета
№ 16	Профессор университета, член общественной организации
№ 10	Активист профсоюза университетской солидарности
№ 21	Активист Диссернета

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Аналитическая справка «Академические свободы в международном контексте»

На современные представления об академических свободах оказали влияние ряд международных организаций:

- Американская ассоциация университетских профессоров (AAUP),
- Европейская университетская ассоциация (EAU),
- ЮНЕСКО.

Среди наиболее значимых индивидуальных исследователей можно выделить Гумбольдта (отца-основателя немецкого университета в его существующей форме), а также Хайека (1960), Метзгера (1987), Рассела (1993), Каррана (2009) и других исследователей университетов.

Несмотря на то, что дискуссия происходила в разные эпохи и в условиях разных академических традиций, общим знаменателем для всех определений являются два главных принципа: свобода исследования и свобода преподавания. Имеется в виду, что у каждого академического работника должна быть возможность приращивать знание и делиться его результатами, а также выбирать содержание и методы преподавания до тех пор, пока они основаны на профессиональной экспертизе.

Определение ЮНЕСКО, предложенное в Рекомендации «О статусе научно-исследовательских работников» (1974 г.) говорится, что академическая свобода прежде всего понимается как «свободное распространение информации о результатах, гипотезах и критических высказываниях» и требует определенной автономии науки и образования от государства. Академическая свобода при этом, как утверждает Рекомендация Юнеско, является неотъемлемой частью научного процесса и обеспечивает наибольшую гарантию точности и объективности научных результатов.

Американская ассоциация университетских преподавателей определяет академическую свободу в трех пунктах как:

1. Свободу исследования и публикаций их исследований (в случае выполнения работы по заказу университета — при согласовании с руководством);
2. Свободу преподавания своего предмета (с ограничениями на обсуждение чувствительных тем только тогда, когда они являются предметом преподавания);
3. Свободу высказываться как граждане за пределами университета без институциональной цензуры или иных ограничений (в случае если они подчеркивают, что говорят не от имени институции) (American Association of Academic Professors, 1940).

Союз преподавателей колледжей и университетов Великобритании (UCU) расширяет эту свободу также еще и на свободу профессиональных союзов и ассоциаций преподавателей, создаваемых для защиты академических прав и свобод (University and College Union, 2016). В ст. 13 Хартии основных свобод Европейского союза также напрямую гарантируется академическая свобода (Хартия..., 2000).

Наиболее же важный с точки зрения защиты академических прав и свобод в Европе является Великая Хартия вольностей университета — Magna Charta Universitatum, подписанная в Болонье в 1988 г. (Великая хартия 1988). В ней, частности, утверждается, что «Поскольку свобода преподавания, исследований и обучения является основным принципом жизни университетов, то как общественная власть, так и университеты должны в рамках своей компетенции гарантировать это и способствовать соблюдению столь приоритетного требования». Около двадцати российских вузов подписали Великую Хартию, и в настоящее время Российский университет Дружбы народов осуществляет проект, направленный на реализацию положений Хартии в российском высшем образовании.

В то же время в ряде стран введены ограничения. Так, по немецкой академической традиции профессора могут пропагандировать среди студентов свою личную точку зрения и философские взгляды. Тем не менее за пределами учебного заведения распространение своих взглядов нежелательно или даже запрещено. Французские профессора в ходе своей исследовательской и преподавательской деятельности полностью независимы и пользуются свободой с тем условием, что они уважают университетские традиции, требования закона, принципы толерантности и объективности. В США накладываются ограничения на академические свободы по религиозным и иным вопросам, что должно быть ясно указано в письменном виде во время приема на работу. За выполнением данного соглашения следят шесть региональных уполномоченных.

Таким образом, во всех странах государство строго регламентирует «академические свободы», устанавливая жесткие рамки контроля за:

- a) содержанием публичных выступлений за рамками университетов;
- b) соблюдением традиций, закона;
- c) религиозными и иными рамками.

В России введение расплывчатого понятия «истина» и отсутствие четкого определения рамок академической свободы привело к тому, что дискуссии имеют широкие границы и зачастую понятие окрашивается желаемыми/актуализируемыми смыслами.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Академические свободы в российском правовом контексте

Свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания гарантируется каждому п. 1 статьи 44 Конституции РФ.

В России правовом контексте понятие «академические свободы» не прижилось. Термин «академические свободы» отсутствует в Законе о науке, но присутствовал в ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» 1996 г. (утратил силу с сентября 2013 года) в п. 3 статьи 3, где указывалось: «Педагогическим работникам из числа профессорско-преподавательского состава, научным работникам и студентам высшего учебного заведения предоставляются академические свободы, в том числе свобода педагогического работника высшего учебного заведения излагать учебный предмет по своему усмотрению, выбирать темы для научных исследований и проводить их своими методами, а также свобода студента получать знания согласно своим склонностям и потребностям. Предоставляемые академические свободы влекут за собой академическую ответственность за создание оптимальных условий для свободного поиска истины, ее свободного изложения и распространения».

ПРИЛОЖЕНИЕ 4. Цитаты из интервью

4.1. Понимание академической свободы

Академическая свобода – это:

- ❖ *исследовать то, что я хочу и как я хочу, чтобы мне никто не мешал; публиковать те тексты, которые я считаю... не размышляя над тем, как это будет воспринято; свободы без границ государственных, по крайней мере (№ 1, П, М, директор негосударственного института);*
- ❖ *это право ученого, исследователя... самостоятельно планировать любую свою деятельность, связанную с наукой, с исследованиями и с преподаванием. ... Ты полностью самостоятельно это всё планируешь и занимаешься тем, чем хочешь, и тебе за это ничего не будет (№ 2, П, М, преподаватель);*
- ❖ *это возможность осуществлять исследования, преподавать свои курсы, осуществлять научное руководство так, как это предполагается интересами науки и образования, а не интересами властей, интересами руководства университета, местных властей, федеральных властей. То есть это действия в интересах науки и в интересах образования, именно образования как практики, а не руководителя образования (№ 3, П, М, бывший преподаватель);*
- ❖ *свобода выбора тем для обсуждения со студентами, обсуждения в публичном пространстве тем для проведения исследований, постановки исследовательских вопросов. Никакой Вася Пупкин, никакой псевдожурналист и какой-нибудь ещё деятель не может мне указывать как преподавателю, в каком стиле мне вести занятия, какие примеры приводить, какие темы брать для обсуждения со студентами и так далее, и какую-то точку зрения высказывать в качестве своей личной (№ 5, П, Ж, бывший преподаватель);*
- ❖ *проводить в любом формате научную деятельность без оглядки на политическую ситуацию, а только с оглядкой на научность (№ 7, П, Ж, выпускница ВШЭ);*
- ❖ *академические свободы должны гарантировать выборным академическим органам некие полномочия: принятие решений о найме, об увольнении, о присуждении зарплат, о том, как вести научную политику, какие исследования делать и так далее. Этого нет. ... Нужны эффективные гарантии вот этой автономии, потому что в действительности всё решают начальники. ...То, чего не хватает, это самоуправление и коллегиальность. ...Проблема не в том, что академические свободы нарушаются. Проблема в том, что их вообще нет на практике, они не работают (№ 9, П, М, бывший преподаватель);*
- ❖ *в рамках академических активностей, то есть публикации, научные обсуждения, конференции, преподавание, в общем, в большинстве академических вещей человек имеет право говорить то, что он считает исторической, или какой-то другой научной истиной. Критиковать соответственно те точки зрения, которые он считает ошибочными и прочее. Но при этом у человека есть некоторая обязанность считаться с принятыми критериями анализа для того, чтобы его точка зрения, так сказать, принималась уважительно и принималась всерьез. ...что называется, брать с*

потолка и говорить: «Вот я считаю, что то-то и то-то» — вот это, конечно, не то чтобы не попадало под понятие академической свободы, но просто, очевидно, недобросовестное её использование (№ 11, ГО, М, декан);

- ❖ академическая свобода прежде всего связана с возможностью ученого заниматься тем научным направлением, которым он заниматься желает, независимо от того дискурса, или научной школы, к которой он принадлежит, и независимо от того, к эпатажным или консервативным выводам он придет (№ 13, ГО, М, директор академического института);
- ❖ любой исследователь, занимающийся наукой, в социальном смысле на какие-то особые может претендовать... на какие-то особые свободы. А именно его положение как исследователя, занимающегося наукой, ... предполагает, наверное, свободу выбора в рамках своей области. Свободу выбирать любые темы для исследования, свободу работать над этими темами. Но опять же соблюдая этические нормы. Я имею в виду, например, экспедиции или общение с информантами, там полагается ... не выходить за рамки. Ну, вы знаете, согласие на интервью ... В рамках этих этических он может выбирать себе тему, он может свободно, не знаю, высказывать свое мнение, выступать, где угодно, обнародовать результаты. Он может эту тему менять, отказываться. Ну, и по моим представлениям всё равно ещё академическая свобода имеет некоторую... с моей точки зрения, это связано с регламентацией простых таких вещей как, например, рабочий день. Вот если человек преподает студентам, понятно, там есть расписание и так далее. ...Вот это вот такая привилегия: «Думай ты где угодно, как угодно, но главное, чтобы ты что-то думал и давал какой-то результат». Ну, и все эти вот выступления публичные на конференциях, не надо ничего согласовывать. Никто ничего не подписывает. Я не имею права запретить кому-то выступать оппонентом на диссертации. Это личное дело каждого. Или там, не знаю, защищать диссертацию, высказывать в той или иной форме, результаты свои обнародовать в каких-то журналах, в газетах, в интервью. Никакого согласования не требуется. Но это отличает, наверное, должно отличать сотрудника академического типа от всяких офисных сотрудников, где, наверное, без разрешения администрации, в общем, ничего не делается, иначе можно выговор получить или быть уволенным. Ну, наверное, так. (№ 12, ГО, М, директор института);
- ❖ Академическая свобода прежде всего связана с возможностью ученого заниматься тем научным направлением, которым он заниматься желает, независимо от того дискурса, или научной школы, к которой он принадлежит, и независимо от того, к эпатажным или консервативным выводам он придет. (№ 13, ГО, М, директор института);
- ❖ академические свободы – это система правил и ... экономических инструментов поддержки человека с тем, чтобы он мог сохранять свою независимость, автономность. При рассмотрении и вопросов своей научной деятельности, научного творчества, и определять свою позицию по многим вопросам университетской жизни. И у человека должно быть четкое ощущение вот неких гарантированных его прав. Должна быть устойчивость положения, что, скажем, обеспечивалось бы такой системой постоянных контрактов. Это позволило бы в университетах иметь некое ядро, которое, собственно говоря, человеческое ядро и профессиональное, которое

обеспечивало бы устойчивость учебного заведения. ... Не зря же существует понятие духа университета, традиция академических свобод. Вот ведь не случайно же даже там во времена императорской России, скажем, полиция не имела права заходить на территорию университета. И дело тут не в том, что полиция чем-то плоха, а этим правилом подчеркивалось, так сказать, что университет — это особое пространство. Пространство, которое должно в обществе рассматриваться как что-то такое эталонное, где обитают приличные порядочные люди прежде всего и те, кто делает или способен, так сказать, своей деятельностью приносить пользу обществу и делать нашу жизнь лучше, обеспечивая прогресс. ... Главная задача любой государственной деятельности, особенно в области образования, это задача развития человеческого капитала. ... В этом смысле как раз академические свободы, поскольку они должны обеспечивать условия существования целого корпуса людей, призванного формировать будущих граждан нашего общества, они направлены на то, чтобы обеспечивать эту нашу способность к устойчивому развитию, обеспечивать стабильность и обеспечивать воспроизводство ответственных граждан, которые способны находить баланс между своими личными интересами и задачами общества (№ 15, ГО, М, декан);

- ❖ свобода изучения, свобода преподавания, свобода выбора того, что ты хочешь изучать и свобода понимания того, что входит в предмет, который ты преподаешь. То есть свобода ограничена должна быть академическими представлениями коллег и ученых, а не какими-то внешними по отношению к науке вещами. [...] То есть академические свободы – это отсутствие вот этого внешнего по отношению к науке давления на то, чем ты занимаешься. Касается это преподавания и касается это науки. (№ 16, ОА, М, профессор);
- ❖ это довольно расплывчатое понятие. Но, на мой взгляд, это университетское управление, возможность формировать для университета собственные образовательные программы и решать, какие из них будут наиболее эффективными, а не ориентироваться на навязанные как бы государством образовательные стандарты. Ну, и для исследователей, собственно, выбирать самостоятельно те проблемы и темы, которые для них кажутся важными в контексте современной науки (№ 18, Э, М, директор института);
- ❖ Академические права и свободы — это право заниматься научной деятельностью, научной деятельностью, не только в образовании, это скорее больше про научную деятельность, академической научной деятельностью, заниматься тем, чем тебе интересно. Это расхожая фраза — удовлетворяют собственное любопытство за счет государства. То есть так это должно быть построено (№ 21, ОА, М, активист Диссернета);
- ❖ Не знаю. ...если номинально, академическая свобода – это свобода выбирать тему исследований, проводить исследования, руководствуясь исключительно научным интересом и критериями, принятыми в науке. Академическая свобода – это, конечно, не свобода делать всё, что угодно, потому что в науке есть очень много жестких ограничений, прежде всего связанных со стандартами получения знаний, с процедурами и методами. И здесь никакой свободы нету вообще. Её строго ноль. [...] Как бы свободная конкуренция идей это и есть академическая свобода. А когда мы конкурируем, имеется в виду, мы сражаемся научными аргументами. Мы не можем с вами сражаться аргументами, что вы женщина, поэтому что с вами разговаривать...

...Свобода – это свобода конкуренций и идей с помощью свободного рационального аргумента. Но реальное положение дел науки таково, что там существует иерархия, школы, подчинение. ... далеко не всегда стандартом науки является стремление опровергнуть результат своих коллег. Это стремление развить, подтвердить. Но это, в общем, старые как мир идеи, но они сейчас актуальны в свете вашего вопроса, поскольку это и есть ограничители академической свободы. И я веду к тому, что академическая свобода – это весьма относительное, если не едва существующее понятие. ... Ученые выступают в нескольких ролях. Академическая свобода - это всё-таки не просто свобода слова. Когда ученые выступают в качестве публицистов и комментаторов, это к сфере свободы слова относится, а не к академической свободе. ...Если мы академическую свободу понимаем, как ещё преподавание, ну, да, то есть это вообще мы сейчас уйдем в очень сложную область государственных стандартов преподавания, какую свободу они допускают. (№ 22, НО, М, ректор университета);

- ❖ *Это право преподавателя преподавать то и так, что и как он хочет. ...Я не вижу особенных изменений в праве говорить то, что хочешь, до тех пор, пока ты квалифицирован, и до тех пор, пока ты профессионален, тебе никто не скажет: «Нет, так не надо, а надо иначе» ... Профессора... имеют полную свободу выражать свое мнение в аудитории. Но мнение применительно к той дисциплине, которую они преподают. Историк может рассказывать про победу советской власти или про то, что, на самом деле, всё ужасно, потому что в свое время убили Троцкого. Или наоборот — всё ужасно, потому что нет демократии. Это его право. ...Но, в общем, мы все прекрасно понимаем, что, наверное, лишний раз подставляться не следует. ...И каждое свободное высказывание предполагает, как вы понимаете прекрасно, и некоторую меру ответственности. Если человек готов за эту свою свободу платить этой своей ответственностью, то флаг в руки. Он может говорить всё, что угодно и где угодно. ... своего рода такая академическая клятва Гиппократов: «Обязуюсь сделать всё от меня зависящее, чтобы не навредить тому, чему я не хотел бы навредить». С этим правилом вы говорите, что хотите. ...Вы всё равно должны помнить о том, что ваши слова, или ваши поступки могут нанести вред тем, кому бы вы не хотели наносить вред. ...некая этическая гигиена... (№ 23, НО, М, руководитель подразделения университета);*
- ❖ *[академическая свобода] отличает, наверное, должно отличать сотрудника академического типа от всяких офисных сотрудников, где, наверное, без разрешения администрации, в общем, ничего не делается, иначе можно выговор получить или быть уволенным (№ 12, ГО, М, директор института).*

4.2. Внутренние ограничения научного поля

- ❖ *«Академическая свобода — это, конечно, не свобода делать всё, что угодно, потому что в науке есть очень много жестких ограничений, прежде всего связанных со стандартами получения знаний, с процедурами и методами. И здесь никакой свободы нету вообще. Её строго ноль»* (№ 22, НО, М, ректор университета);
- ❖ *в рамках академических активностей [...] человек имеет право говорить то, что он считает исторической или какой-то другой научной истиной. Критиковать соответственно те точки зрения, которые он считает ошибочными и прочее. Но при этом у человека есть некоторая обязанность считаться с принятыми критериями анализа для того, чтобы его точка зрения, так сказать, принималась уважительно и принималась всерьез* (№ 11, ГО, М, декан);
- ❖ *академическая свобода прежде всего связана с возможностью ученого заниматься тем научным направлением, которым он заниматься желает, независимо от того дискурса, или научной школы, к которой он принадлежит, и независимо от того, к эпатажным или консервативным выводам он придет.* (№ 13, ГО, М, директор академического института).

4.3. Организационные ограничения

- ❖ *университет всё-таки, так сказать, изначально по своему определению всегда был такой автономной самостоятельной организацией самоуправляемой, так сказать, академическими работниками...* (№ 24, ГО, М, декан);
- ❖ *Важная часть, наверное, академических свобод, это возможность академического самоуправления. [...] я действительно считаю, что в университете базовые решения должны приниматься коллективом профессоров с участием других заинтересованных сторон, включая, конечно, студентов, включая представителей администрации, но база университета – это коллектив профессоров. Вот тех, кто, в общем, университет делает* (№ 16, ОА, М, профессор университета);
- ❖ *я обдумывал эту ситуацию и понимал, что она совершенно неприемлемая для университета как раз в плане академических свобод, практик самоуправления, вообще права преподавателей и сотрудников принимать участие в решениях, касающихся их самих, касающихся жизни факультета университета* (№ 3, П, М, преподаватель);
- ❖ *Ликвидируют самоуправление – это приводит к свертыванию академической свободы* (№ 19, ОА, М, руководитель профсоюза);
- ❖ *Академические свободы должны гарантировать выборным академическим органам некие полномочия: принятие решений о найме, об увольнении, о присуждении зарплат, о том, как вести научную политику, какие исследования делать и так далее* (№ 9, П, М, бывший преподаватель);
- ❖ *Скажем, ликвидируются факультеты, вместо них создаются институты, а про институты в законодательстве нигде не сказано, что их руководители должны избираться, в отличие от деканов факультетов. Ликвидируются*

- кафедры, заведующие которыми также должны выбираться, создаются там департаменты, программы и так далее, где опять-таки про выборность руководителей ничего не говорится. То есть выстраивается, выращивается сверху вертикаль власти, доходящая до самого низа. [...] Вот как бы это основные моменты, которые тоже влияют [на академическую свободу] (№ 19, ОА, М, руководитель профсоюза);
- ❖ ...в результате ректор получает очень серьезные, так сказать, бонусы с точки зрения властных полномочий (№ 24, ГО, М, декан);
 - ❖ ...смена такого либерально нормального руководства с учетом мнений всего ученого совета, по крайней мере, так сказать, возникает ситуация такого тоталитарного руководства. Всё держится в одних руках (№ 13, ГО, М, директор);
 - ❖ Ну, вот мы знаем, Диссернет выпустил в свое время доклад о ректорах российских университетов. Видно, что за последнее время на эти посты были назначены люди с сомнительной репутацией в академическом мире. Если коротко, то со списанными диссертациями или диссертациями купленными и сделанными на заказ. И эта тенденция, она набирает обороты (№ 21, ОА, М, активист Диссернета);
 - ❖ [Постоянный контракт] защищает именно право на академическую свободу преподавателя, когда у него есть контракт постоянный. Академические свободы — это вот система и правил, и, так сказать, экономических инструментов поддержки человека с тем, чтобы он мог сохранять свою независимость, автономность, так сказать. При рассмотрении и вопросов своей научной деятельности, научного творчества, и определять свою позицию по многим вопросам университетской жизни. И у человека, так сказать, должно быть четкое ощущение вот неких гарантированных его прав. Должна быть устойчивость положения, что, скажем, обеспечивалась бы такой системой постоянных контрактов (№ 15, ГО, М, декан);
 - ❖ У российских профессоров контракты все временные, и хорошо, если на пять лет, это максимально, а в последние годы все стали заключать годовые контракты. То есть получается, что все профессора имеют контракт временный на год. Какие бы у тебя заслуги не были в прошлом, ты всё равно каждый раз не знаешь, будешь ли ты работать осенью (№ 16, ОА, М, профессор);
 - ❖ Краткосрочность контрактов, причем даже в случае их достаточно гарантированного продления — это неопределенность тех же самых требований по публикациям, которые будут в следующем году. То есть вполне стандартно для сотрудника ещё 15 декабря не знать, работает ли он по-прежнему с 1 января, или нет (№ 14, Э, М, преподаватель университета);
 - ❖ Ну, он мне не сказал: «Я тебя уволю через год». Он сказал в такой манере, что: «Я любого могу уволить по формальным критериям». Ну, что и случилось, в конечном счете (№ 5, П, Ж, бывший преподаватель).

4.4. Институциональные ограничения

- ❖ *Если человека перегрузить работой, которую он сам считает бессмысленной, это, во-первых, сильно подрывает его уважение к самому себе. Зачем я тут вообще нахожусь и это делаю? Это ставит человека в такую, я бы сказал, очень плохую ситуацию. И это бьет по свободе, потому что человек перестает уважать то, чем он занимается (№ 16, ОА, М, профессор университета);*
- ❖ *Получается, что, если ты готовишься к аккредитации, к аттестации, делаешь эти УМК, рабочие программы дисциплины, то просто времени на само преподавание, на улучшение своих курсов, на изучение современной литературы, его всё меньше и меньше. И это же, кстати, препятствует проведению исследований (№ 3, П, М, бывший преподаватель университета);*
- ❖ *Ну, в общем, что происходит? Происходит бюрократизация. Происходит ситуация, когда люди для того, чтобы удовлетворить запросы начальства, более или менее, как мне кажется, теряют уже смысл и содержание собственной деятельности (№ 23, НО, М, ректор университета);*
- ❖ *И в значительной мере именно Рособрнадзор является источником вот этих безумных бюрократических требований к учебно-образовательным комплексам, к программам учебных дисциплин и так далее, и так далее. Вот здесь возникают серьезные противоречия с декларированной законом об образовании свободе преподавателя выбора методов преподавания и так далее. Поскольку вот эти вот требования Рособрнадзора очень сильно унифицируют программы, сковывают, на самом деле, свободу преподавателя, ну, и просто часто нелепы, поскольку требуется, чтобы в программе были подробно прописаны методы, применяемые на конкретном, скажем, семинаре (№ 19, ОА, М, руководитель профсоюза);*
- ❖ *Там ещё, кстати, один уровень иерархии возник – заведующие отделениями, а на отделениях уже кафедры. То есть ещё и классика такая, разрастание этих уровней бюрократии произошло (№ 3, П, М, бывший преподаватель университета);*
- ❖ *Эта бюрократизация, я не думаю, что она была задумана как некоторое средство репрессивное, она просто сама собой выросла, но использовать её как репрессивное средство, конечно, очень удобно (№ 23, НО, М, ректор университета);*
- ❖ *Это, в принципе, ограничение академических свобод ученого, потому что оно четко диктует, сколько ему нужно написать. Оно его подталкивает к определенным темам и журналам. То есть вот эта вот зона свободы выбора, на каком языке мне писать, где публиковаться, она становится уже менее свободной, и, в принципе, такое широкое толкование академических свобод, мне кажется, здесь можно это рассматривать, как пример такого ограничения свобод ученых (№ 17, Э, Ж, директор исследовательского центра);*
- ❖ *Возникла, я называю это скопусовской болезнью, когда руководство университета стало буквально оказывать колоссальное давление на преподавателей с требованием публиковаться в журналах, индексируемых базой данных Скопус (№ 3, П, М, бывший преподаватель);*
- ❖ *Естественно, что это степень свободы не увеличивает, а создает дополнительные сложности и препятствия для людей (№ 15, ГО, М, декан).*

4.5. Контекстуальные ограничения

- ❖ *[Академическая свобода – это возможность] проводить в любом формате научную деятельность без оглядки на политическую ситуацию, а только с оглядкой на науку (№ 7, П, Ж, бывший преподаватель);*
- ❖ *Академическая свобода - это всё-таки не просто свобода слова. Когда ученые выступают в качестве публицистов и комментаторов, это к сфере свободы слова относится, а не к академической свободе (№ 22, НО, М, ректор университета);*
- ❖ *Жесткие видные нарушения академических свобод — это, конечно же, увольнение с работы и исключение из студентов и магистрантов за высказывание политической позиции (№ 20, ОА, М, один из основателей Диссернета);*
- ❖ *Эта ситуация регулирования, она создает постоянный эффект возможности обоснованных юридически претензий к любому из преподавателей практически. За нарушение форм и так далее и так далее, где эти замечания будут абсолютно верны. То есть это скорее история про то, что все существующие регламенты выполнить, ну, скажем так, я не уверен, можно ли их выполнить вообще (№ 14, Э, М, преподаватель);*
- ❖ *Я разговариваю на эти темы со многими людьми, особенно из университета, и они говорят, как они тщательно выбирают, о чем можно писать и о чем нельзя писать. Причем запретов прямых нет. Это образуется в голове — что, какие могут быть иначе последствия. Но даже на тематику исследования. Они говорят: «Вот это, конечно, интересно, но это не будем исследовать». Или говорят: «Вот это вот ни в коем случае. Вот эту тему... Или давайте так переформулируем, чтобы это не было понятно» (№ 1, П, М, директор);*
- ❖ *Эта сама проблема ограничения академических свобод, она имеет очень странные формы. То есть это формально ограничение академических свобод, хотя как бы содержательно здесь невозможно нащупать никакой логики. То есть ни по критерию: «Не надо ездить на феминистские конференции». Или: «Не надо ездить с такими докладами, которые содержат данные, которые можно запатентовать» — и бла-бла-бла. То есть вообще нету логики содержательной (№ 5, П, Ж, бывший преподаватель);*
- ❖ *Потом, мне кажется, [...] возникли механизмы такого, знаете, как это сказать, самоцензуры, с какими темами можно, а с какими нельзя и вообще, надо ли связываться, себе дороже. Ну, вы сами понимаете, вот такие вещи (№ 28, ГО, М, декан);*
- ❖ *Какие-то темы полностью цензурятся. Например, гендерные исследования. Очень сложно заниматься гендерными исследованиями в российских университетах, мало где есть такие программы, кажется, два университета или один (№ 6, П, М, редактор журнала);*
- ❖ *Потом резко поменялось, [...] стали резко убирать из программ специальностей гендерные исследования. Причем как бы они делали это хитро, они просто убрали и всё, причем ничего не объясняли, почему. Ну, просто шло под видом*

оптимизации учебных программ, да, сокращение вообще часов (№ 8, П, М, бывший преподаватель);

- ❖ Действительно цензура довольно сильная, но она просто не всегда прямая, и не всегда её легко так выявить, просто посмотрев, сколько было запретов (№ 6, П, М, редактор журнала);
- ❖ Историки, которые занимаются XX веком, самыми болезненными вещами и войной, потому что война – это не только победа, как мы знаем, и репрессиями. Вот по ним и был нанесен удар. Мы видим, что сейчас у нас Мемориал – иностранные агенты, там люди, Юрий Дмитриев в тюрьме (№ 16, ОА, М, профессор университета);
- ❖ Грантовое финансирование позволяет оставлять принцип научной свободы, но вводит его в определенные рамки. Потому что, если вы подаете, в какие-то старые времена, скажем так, хотите подать заявку на какое-то исследование в какой-то условный Фонд [НАЗВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ФОНДА], то вы смотрите, там есть приоритеты. Вот вы, может быть, хотите изучать одно, но там написано, что вы должны изучать неравенство, например, гендерные проблемы, что вы должны изучать, скажем, проблемы международной безопасности, какой-нибудь глобальной безопасности, еще чего-то, ещё чего-то. И, в принципе, обычно фонды, так или иначе, имеют свою идеологическую ориентацию (№ 22, НО, М, ректор);
- ❖ Ну, и в этом смысле все гранты, которые мы брали в свое время от российских источников делали нас российскими агентами, потому что там особенно была самоцензура. Там, в общем, результаты, которые мы должны были получить, заведомо предполагались. Если ты пишешь что-нибудь другое, то недовольны те, кто принимают отчеты (№ 1, П, М, директор);
- ❖ В науке всегда есть какое-то такое ощущение риска, азарта всё равно, что ты чем-то новым занимаешься, чем никто не занимался, и поэтому, если вот это ощущение какой-то свободы, оно исчезает, то просто есть риск, что это всё превращается в какую-то, не знаю, такую (нрзб 40:37), можно сказать, что это просто воспроизведение одного и того же, потому что есть страх, что ты сделаешь то, что тебе нельзя делать. Ну, то есть это самоцензура. Что нужно максимально осторожным быть со своими выводами (№ 6, П, М, редактор журнала);
- ❖ Но вот на моей кафедре, насколько я знаю, один из преподавателей отказал студенту, который хотел [массовые протесты] сделать темой дипломной работы. И сказал: «Я не буду научным руководителем в этом случае». Значит, вот эти практики, ну, как это назвать, самоцензуры, если это слово применимо, они уже очень глубоко проникли. Речь уже идет о запрете на определенные темы даже для исследований (№ 3, П, М, бывший преподаватель);
- ❖ В Вышке в какой-то момент, как мне сказали, такое неписанное новое правило, что в тексте работы можно, а вот в экстракте и в названии желательно не причислять Россию к авторитарным государствам (№ 7, П, Ж, выпускница университета);

- ❖ *И стала, так сказать, создаваться такая атмосфера подозрительности в ряде случаев такого рода [международных] контактов. Мне думается, что это вот фактор такой, который, конечно, больше сокращает потенциал нашей высшей школы, уменьшает возможности для его развития, для повышения квалификации персонала (№ 15, ГО, М, декан);*
- ❖ *...у них там есть первый отдел. Мониторинг, то есть за социальными сетями следили преподавателей, ВКонтакте, естественно, в основном, и даже делали скриншоты. И всё это ложилось на стол руководству вуза. У нас причем проректор по безопасности [НАЗВАНИЕ УНИВЕРСИТЕТА], он был бывшим начальником регионального управления ФСБ (№ 8, П, М, БЫВШИЙ преподаватель);*
- ❖ *Я как бы часто слышу истории про то, что во многих университетах есть какая-то внутренняя такая... Ну, создается и есть уже какая-то система таких доносов, что какие-то студенты... Ну, например, мне знакомая из первого меда рассказывала, что у них есть профком студенческий, и там есть какие-то люди, студенты или, может быть, уже даже не студенты, которые следят за аккаунтами наиболее социально-активных студентов, смотрят, что они пишут про митинги, вызывают их на ковер иногда, критикуют или угрожают чем-то (№ 6, П, М, редактор журнала).*

4.6. Оценка состояния академических свобод в России

- ❖ *уровень академических свобод, как мне представляется, деградировал. Не то что раньше у нас были чрезмерные академические свободы, но мы видим, что роль рядовых участников академических коллективов и возможность их влиять как-то на развитие университета, она скорее сократилась (№ 15, ГО, М, декан университета);*
- ❖ *Вполне высокое, я считаю. На самом деле, я понимаю, что кажется, что везде зажимают гайки, ученых каким-то образом, на них оказывают давление. Есть отдельные случаи, но пока что с этими учеными ничего не произошло. Были несколько увольнений. Это печальные вещи, да, но я не скажу, что это прямо каким-то катастрофическим способом сказалось именно на науке. Понимаете? Вы же про науку, правильно? Вы же не про публицистику, комментарии и журналистику? А многие ученые выступают в качестве журналистов и комментаторов. А мы-то смотрим, какие они ученые. И вот если мы смотрим по стандартам науки, это же... Ну, что такое академическая свобода? Ну, я хочу этим заниматься. Ну, занимайся! И какие результаты ты получишь? То есть академическая свобода не гарантирует качественный результат. То есть это не есть условие качественного результата. Там гораздо больше всего нужно, то есть человек должен быть квалифицирован. Есть другой момент, что я точно замечаю, нам стало труднее добывать данные. Вот, наверно, какое ограничение (№ 22, НО, М, ректор университета).*

4.7. Особенности ситуации в социальных науках

- ❖ *естественные науки, с одной стороны, у них лучше получается на эту повестку работать, на государственную. Даже если мы возьмем вот эту повестку добиться видимости в международном пространстве, то естественные науки уже были успешны в этом. И новые показатели результативности на них сильно не влияют, потому что они и так уже их выполняли (№ 17, Э, Ж, директор исследовательского центра)*
- ❖ *Социальные, гуманитарные науки. То есть они и так находились ниже плинтуса в стране, а сейчас так тем более. Они сейчас развиваются только в каких-то независимых центрах научных. Потому что я всё равно периодически читаю что-то, отслеживаю. Ну, или где-то там, в каких-то больших университетах. То есть в провинции это вообще там всё, полностью всё заглохло (№ 8, П, М, бывший преподаватель федерального университета);*
- ❖ *Конечно, в первую очередь на себе [ограничения] испытывают социальные науки, потому что в социальных науках сейчас всё-таки есть проблемы, которые связаны с продвижением, так сказать, определенной идеологии, под которую социальные науки должны себя тоже подстраивать. Это же тоже все понимают. По крайней мере и говорить, и писать сегодня о каких-то вещах это крайне сложно, если это противоречит идеологии (№ 24, ГО, М, декан);*
- ❖ *Из общих соображений, я думаю, что гуманитарных и социальных ученых боятся больше. Потому что историки, социологи, как-то они... Политологи, они как-то ближе к таким мягким точкам власти, к болевым точкам власти (№ 23, НО, М, руководитель подразделения университета);*
- ❖ *как раз наибольшие проблемы стали испытывать те, кто действительно занимается изучением нашего общества, и социологи, и политологи, и историки (№ 16, ОА, М, профессор университета);*
- ❖ *Ясно, что [давление] меньше сказывается на естественных науках, на математических науках, но на всем комплексе общественно-гуманитарных дисциплин это сказывается очень сильно. То есть, когда преподаватель вынужден как бы постоянно контролировать себя, чтобы не сказать чего-то лишнего, чего-то, что может вызвать конфликт с руководством образовательной организации, с какими-то внешними структурами... (№ 19, ОА, М, руководитель профсоюза).*

4.8. Проблема обратной связи

- ❖ *Люди понимали, что они никак ситуацию не могут контролировать. Ну, влиять никак не могут они на происходящие процессы. То есть ни инструментов нету, ни ресурсов, ничего... Фактически, я считаю, что профессорско-преподавательский состав просто низведен до уровня каких-то молчаливых исполнителей воли администрации вуза. То есть что хотим, то и творим короче, а если не нравится – уходите (№ 8, П, М, бывший преподаватель);*
- ❖ *Причем в этих условиях сыграть с руководством университета можно в лучшем случае вничью. То есть пострадают обе стороны. Выиграть ты не можешь (№ 1, П, М, директор исследовательского центра);*

- ❖ *Ну, такой институт и у нас есть, и это, например, совет по науке при президенте. Ну, вопрос, кто там представлен? То есть научное сообщество должно само отбирать, по идее, представителей в этот совет. Но мы знаем, что они назначаются совсем не с этих позиций [...] Ну, и опять же, так сказать, научное сообщество, оно очень неоднородное. Очевидно, что сейчас там представлены в основном люди крайне лояльные к государству, которые готовы закрыть глаза на какие-то нарушения в академическом сообществе (№ 21, ОА, М, активист Диссернета);*
- ❖ *Но то, что у нас, конечно, нет каких-то институтов, которые отражали бы мнение университетских преподавателей, это тоже совершенно очевидная ситуация, к сожалению. И это касается и социальных прав преподавателей, и академических свобод [...] Ну, и соответственно сегодня министерство, оно на кого опирается? Ну, на совет ректоров. Это важно, конечно, но важно, чтобы существовала возможность и контакта с более широкой аудиторией в университетах и поиск поддержки там тоже вот тем задачам, которые руководство формулирует. А кто их выполнять будет? Не только же ректоры (№ 15, ГО, М, декан);*
- ❖ *Нет, высказываться можно, пожалуйста, пишите письма в виртуальную приемную и так далее и так далее. Но это каналы всё такие, они, знаете, не очень публичные. Как бы пожаловаться, что-то там предложить — пожалуйста. Но вот в этом плане сегодня каких-то механизмов артикулирования каких-то представлений, представлений или иных взглядов на то, как должно быть, в общем, на сегодняшний день фактически этих механизмов я не вижу. [...] Ну, можно написать в Фейсбук, или ещё куда-то, но практически это ничего не меняет, ничего не меняет. Поэтому рычаги вот такого воздействия общественного мнения на академическую политику, они в значительной степени подавлены (№ 24, ГО, М, декан);*
- ❖ *С одной стороны, остаются публичные механизмы, то есть сейчас очень модно подписывать такие отраслевые петиции, корпоративные петиции, что: «Мы — все юристы, против поправок в конституцию» — например. «Мы — программисты, против дела Сети». [...] И второй момент это непубличный, потому что Вышка по-прежнему делает кучу разной экспертизы для правительства, для самых разных министерств, для администрации президента (№ 7, П, Ж, выпускница ВШЭ);*
- ❖ *Вы знаете, я раньше подписывал самые разные петиции, а теперь перестал. Это собственно говорит о том, что я не считаю это эффективным. Потому что, ну, может быть, в каких-то случаях, когда речь идет о судьбах людей, которые оказываются политическими заключенными и так далее, это всё равно надо делать, но и тут, честно говоря, я особого эффекта не наблюдаю. А что касается, собственно говоря, каких-то вопросов, так сказать, более технического характера, связанных с научной работой, ну, мне кажется, что это просто не оказывает никакого воздействия (№ 18, ГО, М, директор центра РАН);*
- ❖ *Обратной связи нет. Я таких механизмов, честно говоря, не вижу. Ну, поскольку у нас вообще нет механизмов представительства ни общества в целом, ни отдельных каких-то групп. Ну, то есть у нас есть имитационный механизм, но эффективно работающих механизмов у нас нет. [...] Но тем не*

менее [Диссернет] это вот некоторое эффективно работающее движение, потому что мы видим, в конце концов, что оно приводит к тому, что люди уходят в отставку с разных постов. И, в общем, это, на самом деле, на общество каким-то образом воздействует (№ 18, ГО, М, директор центра РАН);

- ❖ я не считаю, что через эти каналы можно что-то серьезно изменить, но тем не менее я совершенно уверен, что через эти каналы надо пытаться что-то изменить. Потому что капля камень точит, а никаких других способов, никаких других каналов у нас нет и быть не может. Любые попытки какого-то более решительного вмешательства могут привести только к ухудшению ситуации. Ну, например, я не знаю, выйти на митинг с требованием закрыть министерство образования. Это не приведет ни к чему хорошему. Это вот такого рода нереальные способы исправления ситуации, они, как наш исторический опыт показывает, приводят только к ухудшению этой ситуации. А к улучшению... да, к сожалению, это деятельность медленная, она займет десятки лет, и я, наверно, не доживу до каких-то более или менее заметных результатов (№ 23, НО, М, руководитель подразделения университета университета);
- ❖ Механизмов обратной связи существует очень много, но дело в том, что ни один механизм не будет работать без того, чтобы кто-то хотел им пользоваться. Да? Существуют режимы и общества, которые, так сказать, расположены к тому, чтобы слышать мнения различных участников, так сказать, возможны дискуссии, тогда эти механизмы будут работать. А если такого желания нет, так и не будут. Я не знаю ... ситуацию в точных науках, в военно-промышленном комплексе и где-то ещё, но предполагаю, что там к ученым прислушиваются несколько в большей степени. А в области общественных наук, гуманитарных и прочих, разумеется, слушать наше руководство хочет только то, готово только то, что хочет. И какие бы мы механизмы там не вводили, оно не будет слушать (№ 11, ГО, М, бывший декан);
- ❖ Очень ограничены (механизмы), поскольку, скажем, общественный совет при Минобрнауки сформирован, по сути дела, из образовательных бюрократов. То есть формально там представители разного рода общественных некоммерческих организаций, но если мы посмотрим на основные места работы членов общественного совета, то, извините, это те же ректор и проректор, и руководители научных институтов, которые ещё какие-то НКО возглавляют и в этом качестве вошли в общественный совет. ... Они там выполняют роль как бы лоббистов своих организаций. ... Представители действительно независимых общественных структур туда, насколько я помню, ни один не прошел, хотя выдвигались (№ 19, ОА, М, руководитель профсоюза);
- ❖ ... Остаются в основном некие коллективные обращения во власть, петиции, и уличная активность, которая тоже сейчас весьма сильно зажата не только законодательством, но и в ещё большем мере правоприменением. Потому что, скажем, московские власти, последний раз они согласовывали нам массовый пикет у Минобрнауки на Тверской в 2015 году. С тех пор ни одна заявка удовлетворена не была, ни нам, ни профсоюзу учителей. То есть либо просто отказывали, либо пытались отослать в Сокольники. «Идите лесом» — буквально...

... пока что мобилизационная способность независимых организаций, увы, невелика, то идти на несанкционированные акции пока они, наверное, себе позволить не могут. Что там будет в будущем – это будущее покажет. ... «Услышьте, как нам больно, как у нас плохо!» – остаются какие-то петиции, но на них, как мы знаем, власть тоже реагирует весьма выборочно, а часто не реагирует вообще. ... Вообще эффективными действительно были бы массовые действия, если бы они были массовыми, включая забастовки и несанкционированные уличные акции. Пока мы до этого не дозрели, увы. (Из внутренних практик) самоорганизация. Создание независимых ассоциаций разного рода, и не только профсоюзов. ... Профессиональных ассоциаций, каких-то организаций по интересам, сотрудничество, если говорить про образовательные организации, сотрудничество с организациями обучающихся и поддержка таких организаций. Потому что ясно, что давление только преподавателей менее эффективно, чем совместное давление преподавателей и обучающихся студентов и аспирантов. Вот прежде всего потому, что будет самоорганизация – появятся инструменты воздействия. Пока её нет, пока существует россыпь как бы одиночек, которые стонут, ругаются, а иногда включаются в реализацию того, что идет сверху, в общем, каких-то эффективных воздействий ждать не приходится. Самоорганизуйтесь (№ 19, ОА, М, руководитель профсоюза);

- ❖ *Возникновение Диссернета и вот этого общественного движения — негосударственное, но влияет на государство. Во-первых, оно давит на ВАК, на высшую аттестационную комиссию, заставляя или предлагая лишать степеней, проверять на добросовестность авторов. И довольно большое количество людей, в том числе чиновников или занимающих посты в науке, было лишено степеней, или опубликована их, так сказать, недобросовестность. [...] И, следовательно, появление этого общественного движения повлияло на государство тем, что государственные вузы и советы стали более жесткие требования предъявлять к диссертациям. И повлиял тем, что просто спрос на диссертацию уменьшился, поскольку фальшивые диссертации уже купить невыгодно, опасно. Это сильно влияет, я думаю. Произошла девальвация степени, конечно. Но сейчас, может быть, произойдет её ревальвация (№ 22, НО, М, ректор университета);*
- ❖ *И было очень много критики КБПР, в том числе консолидированной, когда вот эти общественные разные советы при разных... при отделении наук, при институте философии, при каких-то других академических институтах, они сделали публичные заявления такие, подписанные директорами, вообще учеными, с тем почему это неправильно. И сейчас вот эта методика, она вернулась на доработку разработчикам. И вроде бы есть новости, что они начнут учитывать Scopus, они пересмотрят баллы. В этом смысле мы видим пример, когда есть условно мнение сообщества, что вы придумали что-то неправильно, нужно по-другому, пожалуйста, измените. И, скорей всего, оно всё-таки изменится, будут поправки сделаны (№ 17, Э, Ж, директор исследовательского центра).*

4.9. Международное сотрудничество

- ❖ Ну, здесь тоже есть проблемы. И мы с вами знаем, что общая атмосфера, которая сегодня существует в политическом пространстве и в практиках, так сказать, международной деятельности, она, естественно, не облегчает эту ситуацию...

Ну, что же мы тогда всех иностранцев должны рассматривать как носителей некоего потенциального зла и зловредных замыслов? Я думаю, что это совершенно не так. А если принять эту точку зрения, то тогда ведь и никакое международное сотрудничество невозможно.

И стала, так сказать, создаваться такая атмосфера подозрительности в ряде случаев такого рода контактов. Мне думается, что это вот фактор такой, который, конечно, больше сокращает потенциал нашей высшей школы, уменьшает возможности для его развития, для повышения квалификации персонала (№ 15, ГО, М, декан);

- ❖ одно из отличий этого регламента от рекомендаций министерства образования заключается в том, что он распространяется и на контакты с иностранными коллегами за пределами университета. То есть, грубо говоря, попить кофе в кофейне с коллегой из Германии теперь преподаватель [НАЗВАНИЕ УНИВЕРСИТЕТА] может только с разрешения ректора. Там есть положение отдельное о том, что контакты за пределами университета – тоже на них необходимо получать разрешение ректора (№ 3, П, М, бывший преподаватель федерального университета);

- ❖ Поэтому вот такого огромного большого проекта, так сказать, который бы... в [НАЗВАНИЕ ИНСТИТУТА] нет, связанного с сильным финансированием. А так научная жизнь, так сказать, абсолютно нормально течет. [...] Поэтому, так сказать, тут никаких проблем нет (№ 13, ГО, М, директор института РАН);

- ❖ Но при этом же интересно, что государственные вузы, у них осталась возможность международных образовательных программ, исследовательских тоже, исследований совместных. Это частным вузам нельзя, или, как минимум, они расшифровывают это так, как нельзя. А, например, государственные вузы, они открывают такие вещи. И в этом смысле частный вуз как менее стабильное образование, наоборот, мог быть более зависим от финансирования, а им, в общем, перекрыли кислород (№ 17, Э, Ж, директор исследовательского центра);

- ❖ Безусловно, все санкционные режимы, они, с моей точки зрения, достаточно сильно повлияли на вот этот вот горизонт нашего сотрудничества. И когда мне говорят: «Да нет. Вот у нас там ездят, ездят, продолжают ездить». Ну, конечно, ездить-то продолжают, так сказать, люди все хорошие всегда были, просто вопросы в том, что институционально это всё, конечно, достаточно сильно сузилось. И второй вопрос, что вектор поворота на Восток, он, конечно, тоже изменил в этом плане нашу деятельность. У нас куча китайских студентов, с удовольствием ездят китайские ученые, это не плохо, но, с другой стороны, как-то другие контакты у нас завяли.

Нашли, точнее говоря, одного известного социолога европейского из Германии. И всё было хорошо, и вдруг он нам пишет: «Ребята, погода изменилась, к сожалению, я не поеду». И всё, в общем. Ну, вот так. Ну, я понимаю, какие у него там были проблемы. Видимо, согласиться ехать в Россию тогда было

очень не... [...] Значит, поэтому вот эти вот международные контакты в настоящее время, они, конечно, осуществляются в очень таком ужатом виде, особенно в плане научных исследований (№ 24, ГО, М, декан);

- ❖ *Ведь если человек приезжает по визе научного сотрудничества, он не имеет права преподавать. Если человек приезжает по визе, дающей ему право преподавать, он не имеет права заниматься научной работой. Весь этот идиотизм происходит на фоне призывов нашего любимого правительства к интенсификации международных контактов. Как можно их интенсифицировать при таких законах, я не понимаю*

Мы вынуждены не брать иностранцев в полевые проекты, потому что им не выехать в поле. Это отдельная и большая головная боль, оправить в какой-нибудь северный регион, или сибирский, или арктический, отправить какого-то иностранца (№ 23, НО, М, руководитель подразделения университета);

- ❖ *Значительно больше интереса возникло к нам, потому что все другие агенты, на которые когда-то, особенно в 90-е годы, были ориентированы академии наук и университеты, они показали себя плохими партнерами [...] Как только мы стали иностранными агентами, у нас стало куда больше возможностей. Быть иностранным агентом – это большое преимущество в международной науке. Вот так получилось для нас (№ 1, П, М, директор негосударственного исследовательского центра);*

- ❖ *Ну, в любом случае, так сказать, я думаю, что это повлияло, знаете, каким образом, мы стали брать отпуск за свой счет, на свои деньги ехать на конференцию, скажем, куда-то за границу, но чтобы не писать вот этого отчета, что я там делал, что я видел и так далее и тому подобное (№ 13, ГО, М, директор института РАН);*

- ❖ *это просто плохо соображающие бюрократы. Это всё ерунда. Ну, прислали и прислали [рекомендации], плевали все на это. Ну, здесь, по крайней мере. Я не знаю, может быть, опять-таки в Урюпинске и не плевали, но там и с иностранцами никаких контактов, скорей всего, нет. А так, да, вы знаете, особо не повлияло. Именно на сотрудничество, я бы сказал, совсем не повлияло.*

Мне кажется, что гораздо важнее в деятельности западных фондов было как раз то, что они тоже способствовали развитию конкуренции. Особенно, если экспертизу проектов делают, в том числе и западные ученые действительно сильные. Ну, просто финансирование получают лучшие исследовательские проекты. Это вообще способствует некоторой конкуренции.

Вот я сейчас русской стороной руковожу российско-немецкого проекта. Значит, РФФ – ДФГ, им платит ДФГ, нам РФФ, то есть не РФФ, РФФИ, прошу прощения. Ну, и прекрасно мы сотрудничаем, всё замечательно. Так что, в целом, я могу сказать, что уровень сотрудничества никак не снизился, на мой взгляд.

Мало изменилось, но пришло всё-таки новое поколение ученых, которое знает английский язык. Значит, люди стали больше ездить на Запад. Поэтому собственно и у них есть возможность получить деньги на то, чтобы туда поехать. Ну, вот это я [имею в] виду, да. Но это вообще не связано с деятельностью государства.

Ну, единственное, что действительно именно создание каких-то совместных научных групп, оно... Ну, т. е. есть некоторые такие партнерские проекты государственных фондов, но было бы, конечно, еще разумнее, если бы Россия вошла в консорциум... Ну, вряд ли сейчас всё возможно после 2014 года. До 2014 года мы уже почти о безвизовом режиме договорились, и вообще какие-то шаги в сторону если не политической, то какой-то общественно-экономической интеграции с Европейским Союзом [...]. И, в принципе, было бы важно, чтобы Россия вошла в консорциум европейского European Science Foundation. Потому что тогда можно было бы партнерские программы заключать (№ 18, ГО, М, директор центра РАН);

- ❖ ... заведующий кафедрой Истории России, вот этот [ИМЯ], он сходил, на нас на нескольких написал списочек в ФСБ. **И: Что значит «списочек»?** Р: что мы вот опасные люди в образовании, либо связаны как-то с сомнительными организациями... Либо получаем иностранное финансирование. Это вот ещё, получается, такой же грант [НАЗВАНИЕ ГРАНТА] получила ещё одна моя коллега, [ИМЯ], она тоже была в этом списке. Это всё пришло тоже в ректорат (№ 4, П, Ж, бывший преподаватель);
- ❖ международное сотрудничество остается. Оно стало менее интенсивно по каким-то естественным причинам, то есть как отражение общего падения интенсивности международного сотрудничества с Россией, в связи с известными событиями, санкциями и взаимным отчуждением. Это сказалось на, так сказать, негосударственной сфере в том числе. Я не знаю, как. Можно померить, наверное, какие-то потоки ученых и количество совместных проектов. Это сказалось тем, что нет иностранного финансирования, а часто какие-то совместные проекты, они поддерживали западные фонды. Западные фонды ушли, либо были объявлены нежелательными организациями, либо сами закрылись. Но, насколько я знаю, государственные же вузы могут получать иностранное финансирование, получают и вполне успешно прекрасно они занимаются коллаборативным сотрудничеством. Некоммерческие организации, то есть частные университеты, как Европейский, какие-то институции и центры, которые частные, не могут получать западное финансирование, поэтому, значит, они переключаются на какие-то другие источники. Но из этих источников международную коллаборацию финансировать трудно, поэтому, наверное, в какой-то части она снизилась (№ 22, НО, М, ректор университета).

4.10. Оценка государственной научной политики

- ❖ Всё определялось тем, что прошла вот эта реформа, мягко говоря, внезапная, такая в духе действительно спецопераций реформа. Ночью там что-то обсудили, а утром что-то объявили.

Конечно, для того чтобы было как в Америке, нужно не только это поменять, а вообще ещё очень многое. А если общая система остается та же самая, а вы меняете какую-то деталь и думаете, что эта деталь теперь работает

как в Америке, то это, конечно, глупость (№ 12, ГО, М, директор института РАН);

- ❖ *Государство просто не сильно здесь умный игрок. То есть они, в общем... По идее, если бы это всё было очень грамотная стратегия, то нужно было бы как-то менять среду в университетах.*

Но особенность, наверное, различие между европейскими примерами и российскими примерами в том, что европейские примеры вроде бы строили свою политику, что мы не будем сильно вмешиваться в то, как вы внутри университета свою деятельность наладите, нам просто нужны результаты. Даже была такая концепция «наблюдение на расстоянии». В этом смысле мы вам показываем какие-то основные, выдаем показатели, но как вы будете их достигать, вы можете сами решать, мы не вмешиваемся. А в России это часто всё равно как-то приходит к тому, что государство хочет придумать правила для всех институций и для всех дисциплин и спустить их как-то сверху вниз, не учитывая разницы между университетами, между научными дисциплинами.

Но они всё равно их закрыли, нам показалось, что это вот просто такая слабая цель, потому что частные вузы всегда были подозрительными. То есть, когда они говорили условно открыто: «Вуз – пустышка» – у них всегда в голове было представление, какой-то образ, и это был частный вуз.

Ну, оказалось, что по всем этим параметрам эксперты Рособнадзора — это люди, которые хуже, чем средний преподаватель вуза. То есть даже не преподаватель в лучшем вузе или лучшие преподаватели, это вот даже средние преподаватели, кажется, по всем параметрам лучше, чем эксперты Рособнадзора, что, в принципе, было, наверное, медийно самым таким эффективным результатом.

Я бы не видела в этом специальной стратегии. Мне кажется, государство – это какое-то такое многообразное образование, то есть то, что они делают одной рукой, может не соотносится с тем, что оно делает другой рукой.

Это просто какое-то непонимание, что международные публикации через коллаборации так же появляются. Так же как и отсутствие возможности делать крупные международные проекты совместные, это, по идее, опять же не способствует появлению большого количества публикаций, может как-то тормозить.

Ну, вот это особенность государства, когда определенной идеологией или правилами пытаемся вообще на все спустить, и это иногда, конечно, совершенно нерабочие ситуации из этого появляются (№ 17, Э, Ж, директор исследовательского центра);

- ❖ *Вот поэтому эта бюрократизация, я не думаю, что она была задумана как некоторое средство репрессивное, она просто сама собой выросла, но использовать её как репрессивное средство, конечно, очень удобно (№ 23, НО, М, руководитель подразделения университета);*
- ❖ *когда источники ограничены, то соответственно мы начинаем в какой-то мере вариться в одной кастрюле, и это, конечно, ограничивает потенциальные перспективы результатов включенности в глобальное научно-образовательное пространство. Тем более, что всё-таки, с другой-то*

стороны, у нас руководство ставит задачу быть как бы на уровне, а то и стараться, так сказать, опережать те исследовательские, так сказать, стандарты, которые существуют в современном мире, поскольку это мир конкурентный. Но для этого надо, по крайней мере, понимать, представлять и быть хорошо знакомыми с теми практиками научно-исследовательскими, которые сегодня в мире существуют (№ 15, ГО, М, декан);

- ❖ Действительно дела обстояли и продолжают обстоять довольно плохо, прямо скажем. У нас не выработаны, на самом деле, механизмы ротации, механизмы совершенствования собственно науки, и всё это довольно хаотично, всё это довольно случайно и так далее. И понятно, что, по крайней мере, часть этих реформ была продиктована и желанием как-то изменить ситуацию в лучшую сторону, но ничего, в общем, на мой взгляд, хорошего из этого не вышло. По крайней мере, для тех гуманитарных наук, за которыми я наблюдаю.

Ну, существует официальный как бы документ, который, в общем, никакой логичной связности с содержательностью не имеет. Ну, как и все большие стратегические документы путинского периода, поскольку отчасти они основаны на каких-то действительно массовых стереотипах, связанных там с боязнью запада, ещё чего-то. С другой стороны, они просто нереалистичны, то есть они не учитывают реального положения дел в стране, и социального, и экономического, демографического и какого угодно ещё. Поэтому их обсуждать вообще нет смысла. Что касается реальной стратегии, ну, опять-таки некоторого разумного целеполагания, которое мы могли бы наблюдать, мне кажется, скорее, нет. Тут, на самом деле, есть какие-то довольно случайные скачки то в одну, то в другую сторону.

Ну, короче, с одной стороны есть идея, что нам надо ориентироваться на западную модель и образования и науки, но, правда, западная, она понимается так тоже довольно странно... Но с другой стороны есть идея, да, что нужна какая-то защита от воображаемых западных угроз, но это неинтересная история (№ 18, ГО, М, директор центра РАН);

- ❖ ...антиидеологический запрос, то есть сделать так, чтобы проекты, которые, скажем, несут большую критику для власти, критику по отношению к власти, к существующему порядку, и финансируются из-за рубежа, перестали бы финансироваться.

И, в общем, ничего особенного не произошло [о законе об иностранных агентах]. Но, то есть, да, это ограничитель на иностранное финансирование. И это попытка провести некоторый принцип суверенитета в науке. Но, положив руку на сердце, я думаю, что если бы в России было много денег, и они бы начали финансировать какие-то исследования, гранты в других странах, то, я думаю, что эта бы деятельность тоже бы вполне себе подверглась ограничениям (№ 22, НО, М, ректор университета);

- ❖ А вот что произошло с гуманитарными, скажем, с социальными науками, там гораздо серьёзней были всевозможные в кавычках «оптимизации», трансформации, слияния. Ну, например, был факультет журналистики и социологии, а стал какой-то абсолютно аморфный Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, куда входят и философы, и журналисты, и социологи, и политологи, и религиоведы, кстати, там тоже оказались (№ 3, П, М, бывший преподаватель федерального университета);

- ❖ Ну, мне кажется, что, в принципе, наверное, государство стало обращать внимание, во-первых, когда возник идеологический запрос. Во-вторых, когда возник больше образовательный, наверное, запрос. И, в-третьих, когда возник, скажем так, антиидеологический запрос, то есть сделать так, чтобы проекты, которые, скажем, несут большую критику для власти, критику по отношению к власти, к существующему порядку и финансируются из-за рубежа, перестали бы финансироваться. И тут, мне кажется, государство логичную стратегию: «Давайте, если мы начинаем останавливать иностранное финансирование, государственное, мы должны заместить его национальным финансированием. Создать соответствующие фонды, институты и механизмы распределения денег». А как только были созданы фонды, институты и процедуры распределения денег, возник вопрос о политике, о собственных приоритетах: «А что мы хотим поддерживать?» Это первый момент бы... Второй момент, когда начали вкладывать средства в развитие высшего образования, в университеты. В частности, проект 5-100. И поскольку в проекте 5-100 публикации, научные исследования, поскольку в проекте 5-100 рейтинги глобальные, а в глобальных рейтингах научные публикации – это одна из составляющих рейтинга, то деньги, которые выделялись тем самым на проект 5-100, должны были поощрять международную коллаборацию, публикации на иностранных языках, появление в базах цитирования, индексацию и так далее. И это был положительный вклад. То есть это был абсолютно такой положительный, положительное влияние государства на развитие социальных наук (№ 22, НО, М, ректор).

4.11. Изменение состояния академических свобод

- ❖ Я бы пояснил, что касается того, что, по крайней мере, я видел в 2003-2004 году. Это история про, да, очень большую свободу, но в том числе эта свобода связана с абсолютным безразличием. То есть способность абсолютно неквалифицированных преподавателей точно так же взаимодействовать, это скорее отсутствие какого бы то ни было контроля качества. И более того, что при этом очень важно, это ещё и почти полная свобода от студентов. То есть недовольство, например, вполне обоснованное студентов качеством происходящего почти никак... Ну, не то что почти никак, но, скажем так, вероятно надо было сделать что-то очень солидное, чтобы это стало для преподавателя хоть какой-то проблемой более-менее ощутимой (№ 14, Э, М, преподаватель федерального университета);
- ❖ [Ситуация начиная с 2002] менялась примерно так же, как и ситуация с любыми свободами в этой стране. То есть то, что встроено в систему, в любую систему, связанную с государством, в том числе система высшего образования, постепенно вот эти рамки свободы сужались. ... На момент 2002 года можно было говорить всё, что хочешь, и тебе за это ничего бы не было. Другое дело, что на момент 2002 года не очень-то и было, чего такого говорить, за что могло прилететь. А в последние годы, конечно, последние достаточно много уже лет, я уж не знаю, с чего отсчет начинать. ...

Ответная реакция со стороны системы гораздо более осязаемая, осязаемая, и соответственно достаточно жесткая.

В 2002 году, когда мы начинали, я не чувствовал вообще никаких ограничений, в принципе. То есть не было даже причины задумываться об этом совершенно. ... я никаких ограничений не видел. Как бы какие-то ограничения, которые, может быть, не столько с академическими свободами были связаны, а вообще с ограничениями свободы. ...Мне кажется, что до Крыма и до 2013-2014 года вообще всё мало менялось в плане академических свобод. Я бы не сказал, что где-то я чувствовал в 2009 или 2010 году какие-то прямо... Тогда вообще же медведевское время было, вегетарианское совершенно. И тогда я тоже ездил, куда хотел, и говорил, что хотел, и так далее. А я думаю, что после выборов путинских 2012 года и вот этих всех болотных дел и так далее начали просто душить, зажимать. А потом Крымом накрыло сверху (№ 2, П, М, преподаватель университета);

- ❖ *(В 1995 году университет) действовал на принципах самоуправления, поэтому, в общем, начало моей академической карьеры, оно было совершенно в таких открытых свободных условиях. Я совершенно не видел проблем никаких с правами и свободами в этом смысле. Тем более, мне кафедра предоставила, мой заведующий кафедрой предоставил такой своеобразный карт-бланш. Я сам разрабатывал свои курсы, наполнял их содержанием. Никто это, в сущности, не контролировал. И была такая идеальная ситуация, когда я делал то, что считал нужным, то, что, на мой взгляд, отвечало каким-то потребностям студентов.*

Бюрократизация шла параллельно с ограничением академических свобод. Наверное, это уже всё-таки период 2010-х годов. То есть начиная с 2010-2011 года. ... Была трансформация [НАЗВАНИЕ УНИВЕРСИТЕТА], практика преподавания, практика управления [НАЗВАНИЕ УНИВЕРСИТЕТА]. Эти изменения начались с превращением университета в федеральный университет (№ 3, П, М, бывший преподаватель федерального университета);

- ❖ *А вот что касается 90-х, ну, это нельзя по этой шкале оценивать, это совершенно турбулентное время такое, какое-то сумасшедшее прекрасное и ужасное одновременно (№ 10, ОА, М, активист Диссернета);*
- ❖ *90-е годы – это время свободы при очень тяжелой базе, очень сложной базе поддержки чисто инфраструктурной, материальной, вот так далее. Но это время свободы. Вот действительно можно было исследовать, что угодно. Мы ещё были очень неумелые в этих исследованиях, поскольку у нас не было социологии до того. Но при этом ещё очень мало, как сказать, возможностей было, например, публикаций. Появились только первые журналы, которые вели независимую политику. ...Ну, да, но плохо с иностранными языками было, поэтому довольно тяжело выходили на рынок внешних публикаций. В этом были проблемы. Но самое главное – это была свобода исследовать, свобода писать. И ничего за это не было, и никто ничего не боялся. То есть время, когда мы жили без страха. ... Была свобода развивать методологию. ... Поэтому когда мы вошли в период свободы, когда был разрушен этот советский аппарат контроля над наукой, ... да, 90-е годы – это то время, когда мы ничего не умели и не знали, но могли делать, что угодно (№ 1, НО, М, директор исследовательского центра);*

- ❖ *Я могу сравнить, наверное, момент между основанием [НАЗВАНИЕ ЖУРНАЛА] три года назад и сейчас. ... Тогда, наверное, было ощущение, что можно делать, в принципе, всё. Так что, наверное, это 10, я не знаю. Ну, это, наверное, с года 2014-2015, когда я какие-то уже активности в университете делал. Мы делали философский дискуссионный клуб, и там были всякие мероприятия дискуссионные, академические. И на политические темы мы тоже какие-то заходили, хотя такого ничего... Какого-нибудь Навального не приглашали. Такая, скорее, теоретическая была вся эта штука, поэтому с какими-то запретами мы не успели столкнуться такими, чтобы нам что-то запретили (№ 6, П, М, редактор журнала);*
- ❖ *Ну, если взять 1998 год, к нам приезжала на истфак, на истфак к нам приезжала [НАЗВАНИЕ ГОРОДА], читала лекцию знаешь кто? Новодворская. Вот ты можешь сейчас такое себе представить? То есть если брать по десятибалльной шкале, ну, наверное, где-то 8 – академические свободы. 2007 год, ну, наверное, я бы сказал, что тоже 8. А когда уже 2014 год, там уже, наверное, ну, где-то 5. А сейчас, наверное, все 3 балла. То есть сейчас просто все государственные вузы просто стали... Как бы они просто инкорпорированы просто в эту вот систему авторитарную полностью. Всё. То есть все ректора стали частью новой номенклатуры, я так считаю. Я вообще оперирую таким термином как «ректорская мафия». На самом деле, я считаю, это настоящая мафия, которая занимается такими же распилами, откатами, как и везде. И при этом получает очень хорошие зарплаты. ... Вузы — это просто стала кормушка очередная для администрации. Раньше тоже был разрыв в зарплатах, но, по крайней мере, скажем так, не было такого увеличения административного персонала. Это раз. И не было наступления вообще на какие-то там права и свободы преподавателей. По крайней мере, декана избирали, я помню это. Ректоров избирали, их никто сверху не назначал. Причем выборы были реальные. То есть проходили какие-то дискуссии. Старосты были там. Были какие-то элементы самоуправления в вузе всё равно. Понятно, что материально-техническое снабжение, конечно, в 90-х годах было просто ужасное, 1997-1998 я как вспоминаю просто, какие парты были, какие были страшные аудитории. ... Потом не табуировались темы научных исследований в гуманитарных сферах вообще никак. То есть хочешь там тебе гендерные исследования — изучай, занимайся гендерными исследованиями. Наоборот, всё поощрялось. Потом не было регламентации работы с зарубежными вузами никакой абсолютно. ... Ну, вот какие темы избирать, допустим. Кому ездить, допустим. Не знаю. То есть свободные контакты. Не было такого страха, на самом деле. Сейчас лишнего не скажи, не дай Бог, что-нибудь вякнешь короче. Контроля особо не было такого жесткого. Свободнее было (№ 8, П, М, бывший преподаватель федерального университета);*
- ❖ *В 90-е годы Россия в смысле свободы слова вообще и академической свободы в частности была одной из самых свободных стран мира. Причем речь идет не только о цензуре как формальном таком учреждении и политических каких-то ограничениях, но и о своего рода такой социальной цензуре, самоцензуре. ... Социальное давление, социальное единомыслие среды, оно тоже выступает с такой функцией, знаете, когда человек дважды подумает прежде чем сказать. Чаще всего даже думать не станет, и говорить нечего. Вот такого*

вот рода вещи в России в 90-е годы практически отсутствовали. Я должен сказать, что нам тогда казалось, что очень жалко, что они отсутствуют, потому что коллеги говорили вообще совершенную несусветицу. И прокоммунистические, и просталинистские и националистические вещи вполне можно было услышать вполне университетских академических аудиториях. Мне тогда казалось, что лучше бы и у нас была такая цензура неформальная обществом, а, может быть, даже в законе закрепленная, что нельзя хвалить Сталина, нельзя отрицать сталинских преступлений. Вот в 90-е году, я повторяюсь, свобода была очень широка. В 2000-е она стала в России очень быстро сворачиваться. ... был обмен мнениями. С 2002 года он прекратился. А сейчас, кстати говоря, в свете нынешних конституционных поправок вообще станет жестко. Не то что журналы... Журналы перестали принимать соответствующие статьи. Так что вот это вот постепенное наступление на свободу слова, оно, разумеется, имело место. ... В некоторых случаях появились законы, которые и действительно делали уголовными преступлениями выражение некоторых точек зрения

Вот я могу сказать, что [...] я все свои взгляды могу изложить с помощью статей уголовного кодекса. То, что я думаю о завоевании Крыма, попадает под одну статью. То, что я думаю о правительстве нынешнем и о нашем президенте, попадает, разумеется, тоже под статью, так сказать, о клевете. Да? То, что я думаю о Второй мировой войне и роли Советского Союза в ней, попадает под так называемый мемориальный закон – статья 354/1, запрещающая высказываться, критиковать действия Советского Союза в годы войны (№ 11, ГО, М, бывший декан);

- ❖ что касается 2003-го, я бы сказал, ну, наверное, либо 8, либо 9 баллов. 2013 год в этой шкале, наверное, 6. И теперь, ну, не впадая совсем в пессимизм, наверное, 3. Я бы пояснил, что касается того, что, по крайней мере, я видел в 2003-2004 году. Это история про, да, очень большую свободу, но в том числе эта свобода связана с абсолютным безразличием. То есть способность абсолютно неквалифицированных преподавателей точно так же взаимодействовать, это скорее отсутствие какого бы то ни было контроля качества. И более того, что при этом очень важно, это ещё и почти полная свобода от студентов. То есть недовольство, например, вполне обоснованное студентов качеством происходящего почти никак... Ну, не то, что почти никак, но, скажем так, вероятно надо было сделать что-то очень солидное, чтобы это стало для преподавателя хоть какой-то проблемой более-менее ощутимой (№ 14, Э, М, преподаватель федерального университета);
- ❖ Ну, 90-е, там не было сдерживающих факторов. ... Начиная примерно с начала 2010-х годов заметно становится влияние на академические свободы всяких силовых органов. Это ужасно. Ну, вот в частности, мы знаем, ну, нам это преподносят как эффективную борьбу с терроризмом и всякими прочими удовольствиями. Но по факту, ну, вот как результат вот у нас, например, институт теоретической экспериментальной физики, замечательный был институт в нулевые годы и в конце девяностых, ну, просто лидер такой в области фундаментальной физики на мировом масштабе. Его до сих пор очень чтят за границей. А сейчас его просто реально уничтожили. И в качестве последнего этапа уничтожения там на должность директора назначили полковника МВД в отставке, а его заместителем какого-то генерала (нрзб

25:55). И, да, вот такая, так сказать, ликвидационная команда (№ 21, ОА, М, активист Диссернета);

- ❖ ... Был момент, когда политика у нас, на самом деле, была очень хорошая, отличная просто политика открытых данных в государстве. И я сужу вот по работам [НАЗВАНИЕ УНИВЕРСИТЕТА], отдельных его подразделений. Возможность скачивать данные довольно большие, в смысле, панельные данные за много лет по работе каких-то государственных органов, либо какие-то данные, когда они замеряли что-то. Это позволяло делать исследования. Было очень много открытой информации. Сейчас немножко труднее с данными в каких-то областях. Но в каких-то областях этих данных всё больше и больше. Но, наверное, стало чуть труднее (№ 22, НО, М, ректор университета);
- ❖ Начало 90-х — вообще такой период, который нужно оценивать, наверное, на 20 баллов свободы. То есть вопрос-то в том, что как бы за этим ничего особенно не стояло, потому что свобода то была полная, проблема была в другом, потому что не было, так сказать... Мир повернулся, и нужно было вообще как-то адаптироваться к этому. Начать читать то, что раньше нельзя было читать, и так далее и так далее. А в процессе, знаете, мне кажется, по крайней мере, такой период, который вот для меня был хорош, ... вторая половина 90-х, начало, первая половина нулевых — вот этот период. Ну, а потом, когда вот это всё постепенно стало, так сказать, когда стала выстраиваться всё-таки эта вертикаль, конечно, здесь мы почувствовали такие ограничения. Ну, сейчас, я уже говорил, и о вопросах, связанных с выборностью, то есть с ограничением некоторых традиционных таких академических прав и свобод, которые раньше были, которых сегодня у нас, в общем, нет. И вот такие вот, ещё раз повторю, что некоторые институты на уровне университета, факультетов, где обсуждались самые разные вопросы, по крайней мере, дискутировали, обсуждали, высказывали свои мнения, сейчас, в принципе, они, в общем, так сказать, подавлены (№ 24, ГО, М, декан).